

Серия NON-fiction премии-медали им. Ивана Грозного

Ольга Черниенко

МОЛЧАНИЕМ
ПРЕДАЁТСЯ БОГ

International London Literary Award Nomination:
major prose named after Charles Dickens. Winner of the 2nd degree
The Rank of «Officer»

Non-fiction (ИП Березина)

Ольга Черниенко
Молчанием предаётся Бог

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Черниенко О. В.

Молчанием предаётся Бог / О. В. Черниенко — «ИП Березина Г.Н.», 2020 — (Non-fiction (ИП Березина))

ISBN 978-5-907350-35-9

Документальная повесть «Молчанием предаётся Бог» не претендует на звание научного труда. Это всего лишь попытка отбросить множество идеологических мифов и разобраться: действительно ли вся многовековая российская история – бесконечная череда кровавых, жестоких событий, а все правители прошлого – «палачи и душители свободы»? Была ли Российская империя конца XIX – начала XX века фатально отсталой, «лапотной», «с сохой и бороной» или это была великая, стремительно развивавшаяся экономически, мощная держава, обогатившая мировую культуру и науку? Малоизвестные исторические факты помогут читателю увидеть Российскую империю накануне событий 1917 года с позитивной стороны. Ибо, как писал Максим Горький, «не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907350-35-9

© Черниенко О. В., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Ольга Черниенко	6
Глава 1. Джой	8
Глава 2. Новый	17
Глава 3. Кто имеет ум, тот сочти число зверя	22
Глава 4. Как сладостно – отчизну ненавидеть...	32
Глава 5. Два Рима пали, третий стоит, а четвёртому не бывать!	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ольга Черниенко
Молчанием предаётся Бог

© О. Черниенко, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Ольга Черниенко

Прозу пишет с 2012 года.

Член Российского союза писателей, Евразийской творческой гильдии, Международной академии русской словесности.

Лауреат премии «Наследие» (2016), Международной литературной премии им. Владимира Набокова (2018), Международной литературной премии им. А. де Сент-Экзюпери (2018), Международного литературного конкурса им. Святых Бориса и Глеба (2018), I Международного литературного фестиваля им. А. С. Пушкина в Крыму (2019; в номинации «Малая проза»), международного конкурса «Новый сказ» им. П. П. Бажова (2019; Гран-при в номинации «Проза»), литературного конкурса «Русь моя» им. Сергея Есенина (2019; первая премия).

Участник Парижской книжной выставки 2017 года. Лауреат международного литературного конкурса им. А. А. Грина («РосКон-2020»; вице-Гран-при в номинации «Роман»).

Библиография:

По следам знаменитой ищейки и другие рассказы о животных. Изд. РСП, 2017.

С любовью ко всему живому. Изд. ИСП, 2017.

Верность. ИД Максима Бурдина, 2019.

With Love For Everyone (Nabokov Prize Library). International Union of Writers, 2019.

Собачьё сердце. Изд. ИСП, 2019.

Ворона. Изд. ИСП, 2020.

Целовали все Животворный Крест и обет дали, что за Великого Государя, Богом почтенного, Богом избранного и Богом возлюбленного, Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича, всея России Самодержца, и за Благоверную Царицу и Великую Княгиню, и за Их Царские Дети, которых Им, Государям, впредь Бог даст, души свои и головы положить и служить Им, Государям нашим, верю и правдою, всеми душами своими и головами.

<...>

И кто же пойдёт против сего Соборного постановления – Царь ли, патриарх ли, и всяк человек, да проклянется таковой в сём веке и в будущих, отлучён бо будет он от Святыя Троицы...

Из Утверждённой грамоты Великого Московского Земско-Поместного собора от 21 (ст. ст.) февраля 1613 года

Глава 1. Джой

Утром Джой пробрался в дом. Необычная тишина насторожила: не слышно утренней суеты, шагов, речи.

Неужели спят? Или до сих пор не вернулись?

Джой принялся, фыркнул: пахло порохом и чем-то паленым.

Пес осторожно поднялся на второй этаж, но неожиданно уперся в дверь! Раньше ее здесь не было...

Поскреб лапой, чуть слышно заскулил – пустите! Но в ответ – лишь молчание...

Джой вдруг ясно почувствовал: двери неодолимым барьером навсегда разделили его жизнь на «до» и «после». Сердце зашлось от тоски – хотелось выть, рыдать громко, в голос, звать любимых... но Джой вспомнил, как люди в военной форме накинули петлю на шею визжавшей от ужаса Ортипо, как зашлась она хрипами, а после тело ее – окровавленную тряпочку – швырнули в кузов грузовика, покрытый брезентом. Джой помчался вслед, но ворота захлопнулись перед носом, и всю ночь, прячась в кустах сирени, он дрожал от ужаса и непонимания происходившего.

Накануне во втором часу ночи всех обитателей дома разбудил старый доктор:

– Комендант приказал одеться, спуститься в подвал. Наверху оставаться опасно: город обстреливается. Скоро подадут машины, и нас снова куда-то повезут!

Спускаясь по лестнице, Татьяна обратилась к конвойному:

– Позвольте собакам прогуляться во дворе. Дорога может оказаться долгой.

Джой и Ортипо радостно выскочили на свежий воздух, побежали в сад – под кусты акации, сирени...

С тех пор как семью привезли в Екатеринбург, времени на прогулки выделялось мало. Собаки вместе с хозяевами почти постоянно сидели в душных комнатах: даже в жару арестованным запрещали открывать форточки.

Была теплая июльская ночь: небо ясное, звездное, воздух пропитан медовым ароматом все еще цветущей липы; ночную тишину нарушал лишь работавший мотор грузовика за забором.

Внезапно в доме раздались частые, беспорядочные выстрелы, и Джой не столько услышал, сколько почувствовал невероятные страдания любимых людей. Тогда-то Ортипо и завyla отчаянно...

Пес прислонился к двери, свернулся калачиком, задремал: от потрясений и нервного напряжения внезапно свалила усталость.

– Чего разлегся? – Солдат двинул его ногой в бок. – Проваливай, дай пройти!

Он приоткрыл дверь, и Джой успел заметить: в комнатах пусто. Значит, хозяев надо искать на улице!

Прихрамывая, пес побежал во двор, заглянул в сад – никого. Внимание привлекла помойка, где среди мусора на солнце блеснула металлическая пряжка. Джой узнал ее сразу: она была с ремешка Алеши. Там же валялись бутылочки и баночки из-под лекарств, обгоревшие иконы, образки, ранее висевшие над кроватью больного мальчика, разорванные книги, разбитая балалайка... Запах знакомый, родной, но людей уже нет...

Никогда ему больше не увидеть хозяев, не уткнуться носом в ладони любимых рук... Внезапное осознание действительности шокировало.

Подобную кошмарную растерянность он уже испытывал ранее, когда совсем маленьким щенком провалился в прорубь и ледяная вода обожгла его тело. Джой хлебнул воды, сердце замерло, лапы окоченели, и он был готов уже камнем пойти на дно.

– Шот тонет! – закричал его маленький хозяин, бросившись на помощь. – Шот!

– Не подходите! Опасно! Я сам! – всегда сопровождавший их матрос за холку выдернул щенка из ледяного плена.

– Дурашка Шот, разве так можно? Смотреть надо, куда бежишь, мореплаватель! Его надо согреть! – Распахнув шубку, мальчик попытался прижать к себе мокрый комочек.

– Нет, нет, Алексей! Простудитесь, заболите!

– Это мой Шот заболит! – заплакал Алеша и, сорвав с себя башлык, укутал в него малыша.

Домой вернулись быстро – в санях.

– Никогда больше так не делай! Слышишь, дурашка? Пожалуйста, будь осторожным! Ведь ты мой единственный близкий друг... – Пес грелся у камина на ковре, а мальчик костяным гребешком расчесывал его влажную шкурку. – Я однажды уже потерял собаку – твоего брата, его тоже звали Шот...

– Бэби, – большая хозяйка подошла к маленькому, – я думаю, нехорошо называть твоего нового друга именем умершего. Будет лучше, если ты назовешь его Джой, что по-английски – «радость». Ведь животные приносят нам только счастье, не так ли?

– Согласен, мамá! Я очень хочу, чтобы жизнь моей собаки была длинной и прекрасной!

Спаниель Шот (Выстрел) родился в частном питомнике охотничьих собак великого князя Николая Николаевича Романова и был подарен им внучатому племяннику – маленькому цесаревичу Алексею.

Николай Николаевич вкладывал огромные деньги в развитие отечественных охотничьих пород. Большинство современных российских гончих, борзых, спаниелей, легавых ведут свою родословную от его четвероногих питомцев.

К великому горю, Алешин щенок умер в младенческом возрасте, и Николай Николаевич привез безутешному мальчику однопометника, очень похожего на брата. Шот номер два, а теперь уже Джой, хоть и был по рождению предназначен для охоты за водоплавающей птицей, после случая с прорубью долгое время боялся воды.

Весной, когда в Александровском парке распустились листья на деревьях, освободились каналы ото льда и стало совсем тепло, мальчик посадил собаку в лодку, сам сел на весла: пора навестить Детский остров, убрать прошлогоднюю траву, прополоть ландыши...

Песик со страхом смотрел на темную колебавшуюся воду за бортом. Даже в жаркую погоду, казавшуюся ему холодной, лапы дрожали...

– Трусишка! Пора перестать бояться! Летом отправимся в плавание на яхте – будем купаться, собирать грибы на берегу... Говорят, у судовой кошки опять котята родились, надеюсь, вы подружитесь!

Лодка мягко причалила у гранитных ступенек маленькой гавани:

– Мыс Доброго Саши! Это и есть наш Детский остров!

Подаренный когда-то Николаем Первым сыну Саше – будущему императору Александру Второму – остров был любимым местом отдыха всех юных великих князей дома Романовых. Здесь проводили детские праздники, отмечали дни рождения, собирали грибы, ягоды, и каждый из детей имел свои собственные садик и огород.

Джой радостно прыгнул на твердую почву и сразу уткнулся носом в землю: кто тут обитает? Надо оставить метку: «Здесь был Джой!». Обнюхал маленький, похожий на игрушечный, домик скульптуры и выскочил на полянку, посреди которой стояли четыре гранитные башенки – то, что нужно собачке! Песик поднял было уже заднюю лапку, но окрик хозяина остановил:

– Фу, Джой, некрасиво! Это памятники собакам! Вот, смотри! – Мальчик тронул рукой вырезанную надпись. – Ворон – любимый колли папá, а тут Иман – тоже колли! Здесь – собачка мамá, Эйра, далее Шилка – подружка Имана! От них осталось большое потомство – одиннадцать собак! Это те колли, с которыми часто гуляет папá! Ты же знаешь, они живут в специ-

альном помещении. На этом острове много могил наших питомцев, здесь и мой Шот похоронен... – Алеша на мгновение задумался, потом продолжил: – Такой же памятник есть под окнами дедушкиной спальни в Гатчине. У него был друг – Камчатка. Совсем беспородный пес, хоть и называли его лайкой. Любил его дед как собственного сына! Не было лучше друга! Камчатка всегда рядом был: днем, ночью – много лет! Но однажды случилась беда! Поезд, в котором ехала семья, сошел с рельсов. Вагоны поломало, помяло... Много людей погибло... А дед, сильный, как богатырь, встал в полный рост, подпер собой крышу искореженного вагона и держал ее на своих плечах, пока все не выбрались. Вот только Камчатку раздавило балкой... Говорят, дед всегда плакал, когда вспоминал пса. При случае обязательно покажу тебе его могилку! Там и Типа похоронена – собака бабушки.

Задумчивость мальчика вдруг сменилась энергией:

– Моей Камчаткой будешь ты, Джой! А сейчас займемся делом, дружок! Очистим землю, посадим цветы! Давай копать! Я – лопатой, ты – лапами!

Джою нравилось рыть ямки: в них хозяин положит луковицы лилий, гладиолусов – засияет цветами Детский остров!

Вскоре на пароме прибыли сестры Алеша: Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия – ОТМА – этим общим именем они называли себя для краткости. Весна пришла – пора свой детский уголок привести в порядок!

Удивительным и таинственным был Александровский парк! Здесь причудливо сочетались широкие липовые аллеи и узкие тропки в непроходимом лесу, ухоженные газоны и поляны, заросшие луговой травой, каналы и пруды с островками, мосты, павильоны, строения в китайском стиле...

На лужайках свободно паслись козули, козы, лошади. По деревьям прыгали белки, в кустарниках – зайцы. В каналах и прудах обитали белые, черные лебеди – Одетты и Одиллии, живые иллюстрации к сказочному «Лебединому озеру».

Дикие кабаны, олени, лоси, зайцы жили здесь еще с петровских времен. Зверинец – огороженная глубоким рвом часть елового леса – был когда-то царскими охотничьими угодьями. Но благодаря Екатерине Великой, изменившей отношение к нашим «меньшим братьям», в любви к животным воспитавшей своих внуков – будущих российских императоров, охоты прекратились. Зверинец превратился в домашний зоопарк, и на его территории появились постройки – домики для крупнорогатого скота, лошадей и даже лам! Условия их содержания были максимально приближены к природе.

Дабы предотвратить заражение обитателей зверинца бешенством, ограды парка были оборудованы специальными сетками, исключавшими проникновение на его территорию бездомных собак и кошек. Периметр охранялся четвероногой стражей – служебные собаки воспитывались в питомнике села Александровка близ Александровского дворца.

Любовь к животным была свойственна всем представителям дома Романовых.

Свои собственные питомцы – кошки, собаки, кролики, попугаи – были, как правило, у каждого члена традиционно многодетных императорских семей.

В 1865 году в России было основано первое общество покровительства животным, и его главной задачей было формирование у россиян милосердного отношения к братьям нашим меньшим. Главным попечителем организации в конце XIX века становится вдовствующая императрица Мария Федоровна – мать Николая Второго.

Часто в качестве подарков царской семье преподносили кроликов, медвежат, волчат, рысей, хорьков... Конечно, хищников в зверинце держать было нельзя – их приходилось отправлять в зоологические сады Москвы и Петербурга.

Самым экзотическим подарком российскому императору был слон, привезенный в августе 1896 года из Абиссинии.

Словно океанский лайнер, он медленно и величаво «проплывал» между деревьев парка под присмотром специального наставника-дрессировщика – татарина Алексея, всегда одетого в красную рубаху и черную шапочку с кисточкой.

Толстое существо с развесистыми, постоянно шевелившимися ушами – гигантскими опухалами, маленькими, хитрыми глазками и длинным, похожим на щупальце хоботом вызывало у Джоя приступ безостановочного лая.

Летом слона ежедневно водили купаться в пруду. Он так и назывался – Слоновый. Гигант радостно бросался в водоем, набирал воду хоботом, с удовольствием себя поливал, иногда шуточно направлял струю в сторону собаки. Джой удирал, его лай переходил в жалобный визг, а слон громко трубил, «улыбался» и щурил от удовольствия глазки.

Слон трепетно любил своего дрессировщика, слушался его и быстро освоил несколько цирковых трюков. В праздничные и воскресные дни на слоновьи представления в парк приглашали окрестных царскосельских ребятишек. Гигант ходил по пенькам деревьев, расставленным по спирали тумбам, бил в колокол, приветственно трубил.

– Станция Березайка, вылезай-ка! – «переводил» его послание наставник.

Затем по команде ложился на бок, Алексей забирался в слоновье ухо, укрывался им, широким и развесистым, словно одеялом. Зрители восхищались и аплодировали. После каждого представления слону давали сахар, кормили французскими булками. Далее начиналось самое интересное! На гиганта надевали специальное приспособление с несколькими сиденьями по бокам, усаживали детей. Алексей забирался на его толстую шею, и в сопровождении целой свиты зевак отправлялись в длительную прогулку по парку. Детской радости не было предела! Радовались и маленький Алеша, и его сестры, и, конечно же, Джой, обожавший праздничную суету.

Все животные чувствовали себя здесь в полной безопасности, были ручными, брали еду из рук. Карманы Алеши, его сестер всегда были полны приготовленными для них угощениями. Каждое утро дети спешили навестить своих четвероногих друзей. Девочки бежали к пруду кормить водоплавающих:

– Доброе утро, лебеди-лебедушки! Доброе утро, уточки с утятками!

У Алеши была другая забота: грациозной козочке, беленькой и кудрявой, словно облачко, он носил собственноручно приготовленные соленые ржаные сухарики.

Коза поджидала мальчика с собакой в одно и то же время у «пенсионных конюшен». Радостно подпрыгивая, бежала навстречу, опустив маленькие рожки, кокетливо вытянув шейку, просила ласки. Мягкими губами осторожно принимала угощение, аппетитно хрустела сухариком, а потом шершавым язычком слизывала с ладоней Алеши остатки соли. Ласковым вниманием одаривала она и спаниеля, шаловливо-нежно подергивая его за длинные лохматые уши.

У конюшен встречали старого, с провалившейся спиной коня вороной масти – Эмира. Для него всегда были приготовлены мелко нарезанные морковка и яблоки. Почти слепой конь даже траву не видел – ориентировался по запаху и постоянно тяжело вздыхал.

Как и все старые лошади, спал стоя, опасаясь, что однажды просто не сможет подняться с земли. Прикрыв глаза, тихонько ржал, церемонно переступал, словно видел себя во сне на военном параде.

Эмир подпускал к себе Джоя близко, принимался, осторожно губами, как слепцы пальцами, ощупывал спаниеля и фыркал: «Кто ты? Ворон? Иман? Не помню тебя...».

Эмир когда-то был любимым конем Алешиного папы – императора Николая Второго. Отслужив ему много лет, конь жил на пенсии в специальных теплых конюшнях, построенных на территории парка еще Николаем Первым. Постаревших лошадей отправляли «на пенсию» в двадцать лет.

Здесь в довольстве и любви они доживали до тридцати – тридцати пяти лет!

Одному же из коней Александра Второго благодаря постоянной заботе довелось прожить шестьдесят два года!

Рядом с «пенсионными конюшнями» расположилось единственное в мире лошадиное кладбище, где под мраморными плитами к началу 1917 года находилось 120 захоронений. Последней была могила Эмира, умершего в начале Первой мировой войны, – лег однажды старик на травку и уснул навечно.

Алеша часто посещал конюшни, ухаживал за лошадьми, расчесывал гривы и ужасно завидовал собственным сестрам, ловко гарцевавшим верхом.

– Когда же я буду обучаться верховой езде? – спрашивал он у родителей.

– Бэби, ты же знаешь, доктора не разрешают, подожди, может быть, потом...

– Какой же из меня будет солдат или царь, если мне нельзя ездить верхом? – удивлялся мальчик и даже плакал: – Быть может, мне можно хотя бы на пони? Ну почему я не как все мальчишки?!

Алеше позволили ездить только на ослике. Его звали Ванькой. В дни своей молодости он выступал в цирке, а когда, состарившись, из-за дряхлости не смог принимать участие в представлениях, державный отец выкупил Ваньку для своего сына...

Ослика одевали в роскошную сбрую, впрягали в тележку, и Алеша с Джоем и маленькими друзьями катались по аллеям парка. Ванька периодически демонстрировал цирковые трюки: с ловкостью вора незаметно «чистил» карманы всех, кто проявлял к нему интерес, отбирал у собак их любимые игрушки – резиновые мячики и с хитрой мордой, издевательски прикрыв один глаз, долго жевал, остатки же выплевывал.

Во дворце, в детских комнатах, обитали кошки. Сколько было их – не сосчитать. Казалось, родители неизлечимо больного мальчика, у которого любой ушиб, царапина приводили к безостановочному кровотечению, должны были бы запретить ему общаться с котятками, щенками. Но, жестко ограничивая сына в спортивных играх, они всячески поддерживали увлечение животными, которых, по свидетельству воспитателя Жильяра, Алеша безумно любил. В этой глубоко религиозной семье о душе ребенка заботились больше, нежели об оболочке физической, и особо чтили своего небесного заступника – святого Серафима Саровского, являвшего пример милосердного христианского отношения ко всем божьим тварям. Преподобный Серафим возле своей лесной кельи кормил птиц, белок, зайцев, лис. Другом отшельника был и медведь – приходил в гости, смиренно ложился в ноги, охранял от воров.

Детей в царской семье воспитывали в любви к Богу, ближнему, всему живому – «признак чистоты сердца есть воздыхание о всей твари!». Заботясь о животных, через любовь к ним дети должны познавать Бога, ибо все дышащее принадлежит ему!

«Праведный печется о жизни скота своего, сердце же нечестивых жестоко» – эти слова Иоанна Кронштадтского часто повторяли в семье.

Рано познавший физические страдания мальчик с самого детства остро чувствовал чужие боль, мучения и свою огромную ответственность перед теми, кто нуждался в его любви и заботе. «Пережив горе, знаешь, как сочувствовать другим...»

– Когда я буду царем, не будет бедных и несчастных. Я хочу, чтобы все люди были счастливы. Я построю дом, куда соберу всех бесприютных детей...

Алеша подбирал бездомных животных. Из Ливадии, Ялты, Могилева, с яхты «Штандарт» в Царское Село вез он кошек и котят. Все получали «морские» клички: Шверт, Рея, Рубка, Форпик... Подросших котиков дарили родственникам и знакомым.

С маленькими пушистыми, мяукающими комочками Джой делил свое теплое ложе в Алешиной постели, у ног.

Но когда цесаревич болел, Джоя с котятками «выселяли» на коврик, рядом. Ибо каждое, даже самое легкое прикосновение к опухшим от воспаления суставам вызывало безмерное страдание.

Болел Алеша часто, лежал в постели подолгу, месяцами. Любой ушиб приводил к внутреннему кровотечению и образованию гематом. Поднималась высокая температура, мальчик терял сознание. А когда приходил в себя, стонал от боли, кричал:

– Мама! Мама! Помоги мне!

Царица сутками сидела у постели сына, стараясь предвосхитить каждое его желание, целовала в лоб, глаза, губы, как будто хотела при помощи поцелуев вдохнуть в больное тело жизнь.

– Мама! Не уходи! Будь всегда со мной! Когда ты уходишь, меркнет свет! – просил ребенок.

А когда уже не было сил терпеть боль, молился:

– Господи, Боже, помоги мне! Дай умереть! Смилуйся!

И выпытывал у родителей:

– Скажите правду! Когда я умру, у меня ведь больше не будет боли, не будет ничего болеть? Нет? Тогда похороните меня в парке и памятник поставьте небольшой гранитный, как на нашем острове...

Медицина порой была бессильна – кровотечения не останавливались, внутренние органы отказывались работать, но даже в эти тяжелые минуты мальчик был безмерно благодарен тем, кто старался ему помочь.

– Я люблю вас всем своим маленьким сердцем! – говорил он своему лечащему доктору Евгению Боткину.

Приходил на помощь и загадочный целитель, предсказатель – простой крестьянин из села Покровского Тобольской губернии – Григорий Распутин. Молчал, долго молился, а потом говорил успокаивающе:

– Дорогой мой, ма́ленькой! Посмотри-ка на Боженку! Какие у него раночки! Он одно время терпел, а потом стал силен и всемогущ – так и ты, дорогой, так и ты будешь весел, и будем вместе жить и погостить...

И чудо случалось – болезнь отступала. Но худой, изможденный мальчик с заострившимися чертами белого лица подолгу не мог подняться с постели от слабости. Джой ложился рядом, сочувственно лизал руки, прижимался к спине, ногам, стараясь согреть больного своим телом.

Алешу посещали друзья – сыновья докторов Глеб Боткин и Коля Деревенко.

Глеб был старше на четыре года и мечтал стать писателем. Для цесаревича он придумывал истории о далекой планете, где живут счастливые, веселые плюшевые звери...

– Но почему же плюшевые? – спрашивал Алеша. – Я люблю настоящих!

– Плюшевые – мягкие... Чтобы не поранили когтями и зубами своего маленького повелителя по имени Йескела... Вы же знаете, Алеша, что испанские инфанты – правнуки королевы Виктории, имеющие ту же болезнь, гуляют в парках, где не только животных нет, но и деревья укутаны толстым слоем ваты!

– Бедняги! – говорил сочувственно мальчик. – Не хотел бы я так жить...

Проводив друзей, Алеша брал в руки балалайку. Как же любил он ее звучание – мягкое и нежное, пробирающее душу (и тогда Джой тихонько, жалобно подпевал), или звонкое, веселое, от которого так и хотелось пойти в пляс!

Цесаревич играл на ней с трех лет, обучившись у членов экипажа императорской яхты «Штандарт», где целый оркестр состоял из матросов-балалаечников. В те годы благодаря энтузиазму музыканта-просветителя Василия Андреева в армии и во флоте обучали солдат игре на этом народном инструменте. В результате тысячи российских мужчин прекрасно играли и передавали свои навыки родным, знакомым. В одном только Петербурге в начале XX века насчитывалось двадцать тысяч музыкантов-любителей. На балалайках с увлечением играли не

только солдаты и матросы, но и гимназисты, лицеисты, кадеты и даже дамы из высшего общества.

А созданный Василием Андреевым оркестр народных инструментов, получив поддержку императора, становится Императорским Великоорусским оркестром.

У музыкантов-солистов этого оркестра Алеша позже и брал уроки игры на балалайке, стремясь совершенствовать свое мастерство.

Он был очень одарен музыкально и восхищал окружающих своей игрой, бывшей для него своеобразной музыкальной терапией, – возвращалось желание резвиться, радоваться жизни. Ведь по характеру Алеша был подвижным, озорным, шаловливым и очень любопытным мальчуганом.

Каждое лето семья покидала Царское Село, чтобы отправиться на яхте в финские шхеры. Джою тогда присваивалось звание матроса.

Ранний подъем, построение с командой, строевая подготовка, обязательная проба пищи, которой предлагалось кормить команду, – все дисциплинарные обязанности, возложенные Алешей на самого себя, разделял и пес.

Даже еду ему давали ту, которой с наслаждением питался маленький хозяин:

– Щи да каша – то, что едят мои солдаты, самая вкусная еда! – говорил Алексей и никогда не ел белого хлеба: сия пища для дам! Мужчина же, чтобы быть сильным, обязан потреблять только черный!

Мальчик восхищается матросами – все детство он носит исключительно морской костюм.

В дни коротких двухнедельных отпусков детям удавалось много времени проводить с отцом.

Ранним утром высаживались на островах, поросших вечнозелеными соснами, купались, нежились на желтом песке, катались на лодках. Джою к тому времени перестал бояться воды и даже плавал на мелководье.

Отпустив охрану, долго гуляли по финскому лесу – собирали ягоды, грибы, букеты цветов, а потом, сидя на берегу, любовались солнцем и морем. Иногда яхта причаливала неподалеку от дач русской и финской знати. Царская семья сходила на берег и вежливо просила разрешения поиграть на их теннисных кортах. Николай Второй, его дочери были отличными теннисистами, Алеше же играть было нельзя...

После прогулок, спортивных игр, счастливые и полные впечатлений, они возвращались на яхту, пили чай, слушали духовой оркестр, балалаечников.

Вечером устраивали танцы, катались на роликах, играли в лото. Неизменными участниками игр был весь экипаж судна.

Здесь присутствовала особая дружественная, почти семейная атмосфера, объединявшая царскую семью, свиту и всю команду – от офицеров до юнг. Государь, обладавший феноменальной памятью, знал каждого члена экипажа (16 офицеров и 357 матросов) по имени и фамилии!

– Чувствую, – говорил он, – мы здесь одна семья!

Алеша подружился с юнгой Гринькой Пиньковским. Гринька ходил на руках, колесом, делал невероятные кульбиты в воздухе, карабкался по канатам, распевал песни. Спустя много лет, уже в советские годы, Гринька стал известным актером – Георгием Светлани.

Матросы в качестве нянек присматривали за ребяташками, следили, чтобы никто из царских детей не упал в воду.

Все усаые «няни» по окончании сезона получали от императора в награду золотые часы.

Позже трое из них – Деревенько, Нагорный, Седнев – были внесены в списки придворной челяди и практически стали телохранителями царских детей.

Когда из-за болезни Алексей не мог ходить, его носил на руках или возил в инвалидном кресле дюжий матрос Андрей Деревенько. Мальчик почему-то называл его Дино.

– Дино, подними мне ножку, Дино, переверни меня, Дино, согрей мои ручки! – просил больной Алеша, когда сам не в состоянии был двигаться.

Души не чаял ребенок в своем Дино. Матрос был осыпан царскими подарками. Джою же Деревенько не нравился: было в нем что-то, при внешней елейности, фальшивое, лицемерное. Чувствуя, как и все собаки, человеческую неискренность, Джой периодически скалился, рычал.

– Нельзя, глупая собака! – обрывал его хозяин.

Трое сыновей Деревенько постоянно присутствовали во дворце и были товарищами цесаревича по играм. Но самым близким, «сердечным» другом Алеши стал сын лечащего врача – гимназист Коля Деревёнка.

– Ялок и Йескела – самые лучшие на свете друзья! – говорил о них Глеб Боткин.

Коля, как и Алексей, обожал животных, в его доме жила большая толстая кошка Фефер, отличавшаяся дурным характером, – убегала из дома и долгое время где-то бродяжничала, заставляя всю Колину семью переживать за ее безопасность...

Сколько снежных горок, крепостей в Александровском парке построили Ялок и Йескела! Сколько километров лыжни проложили!

В их снежных баталиях за обладание крепостью принимали участие и сестры, а иногда и сам государь, обожавший в минуты отдыха от работы над государственными документами прогулки по парку.

По вечерам уединялись в большой комнате. Папа читал вслух книжку под зеленым абажуром, мама и дочери вышивали, Алеша расставлял игрушечных солдатиков, рисовал, а Джой, прижавшись к его ногам, в сладкой полудреме наблюдал за плясавшими в камине языками пламени. Было уютно, тепло и очень спокойно на душе...

Прогулки и семейные вечера были, пожалуй, единственными развлечениями, за исключением редких посещений театральных представлений. Воспитывали детей в спартанских условиях.

Спали они в походных кроватях, под тонкими одеялами, почти без подушек. По утрам принимали холодную ванну, на ночь – теплую.

Никакой роскоши! Платья и обувь от старших великих княжон переходили к младшим. Блузки, юбки, кофточки – все себе шили девочки сами!

Пробуждались затемно. Торопились на раннюю службу в церковь, затем уроки, небольшие прогулки и постоянный труд. Ни минуты без дела! Девочки рукодельничали – шили, вышивали, вязали, рисовали. Их художественные работы выставлялись на специальных благотворительных базарах – собранные средства шли на строительство противотуберкулезных санаториев в Ялте, больниц для малоимущих, на нужды приютов.

– Воля Божия и всеспасительная в том только и состоит, чтобы делать добро! – твердила императрица заповедь святого Серафима Саровского.

Свои карманные деньги девочки тратили на нужды бедняков. Ольга, старшая из сестер, на свои средства несколько лет лечила встреченного ею однажды мальчика с костылями из бедной семьи: оплачивала операции, лекарства, материально поддерживала родителей.

– Быть добрым – значит быть счастливым, вот тайна, доступная тем немногим мудрым и добродетельным... – говорила им мать.

«Дети должны учиться самоотречению, учиться отказываться от собственных желаний ради других людей», – писала она в письмах мужу.

«Чем выше человек, тем скорее он должен помогать всем и никогда в обращении не напоминать своего положения, – отвечал государь. – Такими должны быть мои дети».

В связи с участвовавшими терактами экстремистов («бесов», по определению Достоевского) против гражданского населения (жертвами которых с 1901 по 1911 год стали 17 тысяч человек!) их настоящей охотой на чиновников, генералов при цесаревиче, в помощь боцману

Андрею Деревенько, был матрос Климентий Нагорный, а при великих княжнах постоянно с 1912 года присутствовал его друг – матрос Иван Седнев.

Теплые, дружеские отношения сложились между семьями российского императора и простого моряка. Великая княжна Ольга вскоре стала крестной матерью его второго ребенка – Ольги Седневой. Племянник Ивана – Леня Седнев, ровесник цесаревича, был принят на должность помощника повара и подружился с Алешей. Однажды за провинность дворцовый комендант предложил отправить Леньку домой, но вставший на его защиту цесаревич добился, чтобы мальчик был прощен и «восстановлен в правах».

Каждый день общения с императорской семьей был праздником для Ивана Седнева.

– Мань, какая спокойная семья, какие же дети! – делился он с женой. – Простые, ласковые, никогда не подчеркивают свое высокое происхождение! Вот так надо воспитывать и наших детей! А какое отношение к людям! Леньку нашего тоже пригрели!

Тихие, скромные дети Николая Второго были глубоко и искренне религиозными.

«Религиозное воспитание – самый богатый дар, который родители могут оставить своему ребенку; наследство никогда не заменит это никаким богатством», – писала Александра Федоровна.

Не садились они за стол без молитвы, в церковь ходили на службу с радостью, ибо Бог для них всегда был любящим Отцом, утешителем, заступником... Царица и дочери пели на клиросе.

– Я могу сказать лишь одно – это самая святая и чистая на свете семья! – говорил камердинер царя Андрей Волков.

И все же болезнь Алексея часто напоминала о себе. Быть может, поэтому он рано и подолгу начал задумываться о жизни и смерти. Сестры замечали, как, бывало, летом ляжет на траву и долго смотрит в небо – что там?

– О чем мечтаешь, Алеша?

– Я люблю думать и удивляться.

– Чему?

– О! Есть так много вещей! Я наслаждаюсь солнцем и красотой лета, пока могу. Кто знает, может быть, однажды в такой вот прекрасный день я буду лишен этой возможности. Посмотри на это высокое, чистое небо – облака белоснежные, пушистые, словно крылья ангелов, что встретят нас однажды у врат небесных...

Глава 2. Новый

*В чащобах, в болотах огромных,
У оловянной реки,
В сугробах мохнатых и тёмных
Странные есть мужики.*

*Выйдет такой в бездорожье,
Где разбежался ковыль,
Слушает крики Стрибожьи,
Чуя старинную быль.*

<...>

*Вот уже он и с котомкой,
Путь оглашая лесной
Песней протяжной, негромкой,
Но озорной, озорной.*

Николай Гумилёв. «Мужик»

...Опять я его спас, я не знаю, сколько раз ещё спасу его для хищников. Всякий раз, как я обнимаю царя и матушку, и девочек, и царевича, я содрогаюсь от ужаса, будто я обнимаю мертвецов... И тогда я молюсь за этих людей, ибо они на Руси более всех нуждаются. И я молю за всё семейство Романовых, потому что на них падёт тень долга и затмения...

Григорий Распутин. «Благочестивые размышления», 1912 г.

Так кто же он, этот тобольский крестьянин Григорий Распутин?

Было в нем что-то от древнеславянского волхва: способность заговаривать болезнь, предвидеть будущее, разговаривать с животными. Удивительно его отношение к ним – понимание на каком-то ином, недоступном простому человеку уровне. Никогда не убивал он комаров, мух, оводов: «Природа научила меня любить Бога, – любовь – величайшая ценность на земле, и дается она через страдания и испытания... Если любишь, то никого не убьешь!».

Ценность любого живого существа в этом мире видел в том, что «и они Божие создание, так и я сотворен Богом...».

В раннем возрасте, будучи ребенком, прослыл он в деревне «звериным лекарем». Корова ли заболела, лошадь, овца, собака – всех на ноги поставит! Подойдет, положит ладони, пошепчет слова ласковые, помолится – наутро хворь вся и пройдет!

О его способности силой мысли распрягать лошадь с расстояния десяти метров потомки односельчан будут вспоминать еще много лет. Чудодейственный дар целителя – животных и людей – обрел Григорий после тяжелой болезни в детстве, когда в беспамятстве пролежал на печи четыре дня.

В юности, как и все крестьянские парни, несмотря на слабое здоровье, выполнял самую тяжелую работу: землю пахал, сено косил, извозом занимался, рыбалкой. Осенью, после сбора урожая, подавался из дома в артели, на заработки...

Но, по собственным воспоминаниям, был не как все – «не от мира сего». Ночами почти не спал, подолгу глядел на деревья, траву, птишек, небо – и беспредельная любовь к Создателю переполняла душу, и слезы счастья текли по его лицу. И молился Григорий подолгу, часами, неистово: «Я мечтал о Боге... Душа моя рвалась вдаль... Не раз, мечтая так, я плакал и сам

не знал, откуда слезы и зачем они... Так прошла моя юность. В каком-то созерцании, в каком-то сне...».

Первое паломничество совершил он в Верхотурский Никольский (Николаевский) монастырь, что в 500 верстах от Покровского, в верховьях реки Туры, где покоились мощи святого праведника Симеона Верхотурского. Благодаря молитвам, длительному посту (бросил пить, курить, есть мясо, сладкое), «узрев свет истины», избавился Григорий от бессонницы и всех болезней. Здесь, в монастыре, обрел он и духовного наставника – отца Макария, великого провидца, целителя, принявшего паломника как своего брата, отмеченного Господом для выполнения Его воли. Макарий поселил Григория в своей келье в пустыне, вел с ним задушевные беседы о божественном начале в каждом человеке, о необходимости внутренней, непрерывной молитвы, дабы укрепиться Святым Духом и однажды в наступающие бурные, страшные времена выполнить свое предназначение – пожертвовать собой во имя России, ее правителей, русского народа!

Именно тогда Григорий обрел знание, что путь к Богу «состоит в каждодневном выполнении своего долга, в жизнелюбии, способности любить, восхвалять Господа, в счастье ощущать Его Присутствие в своем внутреннем мире, в искреннем совершенствовании и приумножении благородных поступков, добром слове для каждого человека»!

И начались его хождения по святым местам: Афон, Иерусалим, Киево-Печерская лавра...

Дважды прошел он пешком по три тысячи верст из Тобольской губернии в Киев. По полгода и более, с горячим желанием найти дорогу к свету, истине, шел он к христианским святыням, чтобы помолиться у алтаря, очистить душу, обрести радость, счастье и новые силы...

В любую погоду: дождь, снег, слякоть, когда ноги тонули в грязи осенне-весенней распутицы, – полями, лугами, дремучими лесами, от села к селу, от храма к храму шагал он через всю Россию! Спал, где заставала усталость, пробуждался с зарею, умывался росой, шел от рассвета до заката, не чувствуя усталости, боли, страданий, а только восторг перед каждым поворотом тропинки, за которым, словно божественное чудо, раскрывалась перед ним Святая Русь – с ее колосистыми полями, светлыми березовыми рощами, коврами луговых цветов и бесконечной синью небес...

Питался ягодами, грибами, иногда и просто травой, а когда заходил в деревню, повсюду встречал добрый прием: проходи, гость желанный, божий человек!

Гостеприимен русский народ, сострадателен – накормит, напоит, на печь ночевать уложит. А Григорий и скотине при родах, болезнях поможет, и хозяевам – с их физическими, духовными недугами.

«Однажды отец после дня, проведенного в дороге, – вспоминала дочь Григория Матрена Распутина, – попросил в одной избе ночлега и хлеба. Хозяйка, чем-то удрученная, впустила его. Тут же стала понятна причина озабоченности женщины. На лавке, под кучей одеял, лежала девочка. Похоже было, что она умирает.

Отец подошел к ней. Ребенок был без сознания, единственным признаком жизни оставалось еле слышное дыхание и иногда – стон.

Отец попросил оставить его наедине с больной. Родители девочки вышли.

Отец упал на колени возле лавки, положил ладонь на пышущий жаром лоб ребенка, закрыл глаза и начал молиться. Он рассказывал, что совершенно не ощущал течения времени.

Обеспокоенные родители то и дело приоткрывали дверь и с изумлением смотрели на застывшего в молитве человека.

Наконец девочка шевельнулась, открыла глаза и спросила:

– Я жива?

Через минуту она ничем не напоминала умирающую».

Слава бежала впереди него, ведь способность исцелять духовные, физические недуги дается Господом только людям с чистой совестью, праведникам. Божьи люди – это живое воплощение правды Христовой на земле...

Как только разносилась по округе весть о приходе Григория, собирались крестьяне в избышке и беседы с ним вели душевные: о далеких краях, чудесах и знамениях, о грехах, покаянии, о вере... Распутин знал Святое Евангелие наизусть, мог его толковать, давать духовные советы. Его главное наставление – нести в себе любовь!

«Любовь – это такая златница, что ей никто не может цены описать. Она дороже всего, созданного Самим Господом, чего бы ни было на свете, но только мало ее понимают, хотя и понимают любовь, но не как златницу чистую. Кто понимает сию златницу любви, то это человек такой премудрый, что самого Соломона научит»; «На родине надо любить родину и в ней поставленного батюшку царя – помазанника Божия...»; «Никогда не бойся делать добро, и за добро всегда попадешь в честь», – поучал он.

За высокие христианские добродетели стали величать его «странником», «старцем», духовным мудрецом.

И пошла молва о нем по всей России. Из далеких краев потянулся народ к сибирскому знахарю и провидцу.

Однажды пришло знамение: явилась Богородица, рассказала о болезни цесаревича, наследника Алексея (в ту пору царская семья тщательно скрывала болезнь ребенка), и приказала Григорию спасти маленького. И отправился он теперь уже в столицу пешком, прошел тысячи верст босым, нищим странником-богомольцем, поклоняясь святым местам, усмиряя плоть веригами, изнуряя постом...

Государь с государыней увидели в этом простом русском крестьянине православного старца – приверженца традиций Святой Руси, Божьего посланника, призванного защитить Россию и царскую семью.

От наследника он получил свое новое имя – Новый. Это было одно из первых слов малыша.

Завидев Григория Ефимовича – нового человека во дворце, Алеша запрыгал от радости: – Новый, Новый!

С тех пор государь приказал именоваться старцу Распутин-Новых.

Его приглашали к больному Алексею в самые критические моменты, когда речь уже шла о жизни и смерти цесаревича.

В 1912 году, будучи с семьей в Спале, Алеша неудачно выпрыгнул из лодки, повредил ногу – в результате сильнейший приступ гемофилии. Его состояние было настолько плохим, что врачи прогнозировали самое худшее – о здоровье наследника публикуются официальные бюллетени. В отчаянии царица посылает Распутину телеграмму в Покровское. Уединившись, Григорий Ефимович долго молится.

«Господь услышал твои молитвы и видел твои слезы, – отвечает он Александре Федоровне. – Не печалься, не умрет дитя! Только не давайте докторам слишком долго мучить его!»

И действительно Алеша стал выздоравливать, опасность миновала. Поистине чудесным было его исцеление!

«Через час мой племянник был вне опасности, – вспоминала великая княгиня Ольга Александровна, сестра Николая Второго. – Позже, в том же году, я встретила профессора Федорова, который сказал мне, что исцеление было совершенно необъяснимо с точки зрения медицины. Распутин определенно обладал даром исцеления. В этом нет сомнений. Я видела эти результаты собственными глазами, и не один раз. Я также знаю, что самые известные доктора того времени были вынуждены признать это».

Примечательно, что сама царица никогда не просила старца вылечить ее, хотя жестоко страдала от головных и сердечных болей.

Лишь Анну Вырубову он буквально вытащил с того света, когда во время крушения поезда фрейлина императрицы получила тяжелые травмы.

«Ей осталось жить лишь пару часов», – вынесли вердикт врачи.

Вокруг умиравшей собралась царская семья. Аннушка металась в бреду, звала Распутину.

Неожиданно отворилась дверь, и Григорий Ефимович прошел прямо к постели страдальцы.

– Григорий! – открыла глаза Аня. – Я ждала тебя! – Взгляд ее был ясным и спокойным.

– Все хорошо, Аня, ты поправишься! – Григорий Ефимович долго держал в руках ее ладонь.

Анна выжила...

Поражал не только его дар целителя, но и дар предвидения. Однажды Григорий Ефимович настойчиво просил императорскую чету не заходить в одну из комнат дворца, и действительно спустя некоторое время с потолка упала люстра: держатель оказался подпиленным.

Когда стало известно, что Распутину принимают царь с царицей, появились бесчисленные просители ходатайствовать за них перед высокими покровителями, ему предлагали деньги, дарили подарки. Не брал для себя Григорий Ефимович ничего – все отдавал бедным, приютам, лазаретам, жертвовал на храмы...

Никогда не получал он деньги и от царской семьи.

После гибели денежных счетов на имя Распутина не нашли. «Если будешь себе приобретать, то не украсишь ни храм, ни себя и будешь живой мертвец, как в Евангелии говорится», – считал старец.

Семья (жена и двое детей) осталась нищей. Им достались только Библия и несколько маленьких подарков от императрицы.

Доброту же и щедрость старца Григория долго вспоминали жители Покровского: и коров помог им купить, и дома построить, и детей выучить...

«Нет ничего более талантливого, чем талантливый русский мужик. Какой это своеобразный, какой самобытный тип! Распутин – абсолютно честный и добрый человек, всегда желающий творить добро и охотно раздающий деньги нуждающимся», – писал граф Витте.

«Подобно доктору, ставящему диагноз при болезни физической, Распутин умело подходил к людям, страдающим духовно, и сразу разгадывал, чего человек ищет и о чем волнуется. Простота в обращении и ласковость, которую он проявлял к собеседникам, вносили успокоение», – говорил о нем полковник Д. Н. Лобан.

«Когда я видела его в детской, я ощущала доброту и тепло, исходящие от него», – рассказывала сестра Николая Второго, великая княгиня Ольга.

«Григорий – хороший, простой, религиозный русский человек. В минуты сомнения и душевной тревоги я люблю с ним беседовать, и после такой беседы мне всегда на душе делается легко и спокойно», – писал и повторял не раз сам российский император.

Беседовали они не только на религиозные темы. Часто рассказывал Григорий Ефимович о тяжелой доле крестьянства, страданиях простого русского народа, что могло без него остаться царю неизвестным: «Для народушка жить нужно, о нем помыслить... Сам самодержец-царь крестьянином живет, питается от его рук трудящихся, и все птицы крестьянином пользуются, даже мышь и та им питается. Всякое дыхание да хвалит Господа, и молитва все за крестьянина! Велик есть крестьянин перед Господом: он никаких балов не понимает, он в театре редко бывает, он только помнит: Сам Господь подать нес и нам велел – Божий труд-вик! У него вместо органов коса в руках; вместо увеселений – соха у сердца; вместо пышной одежды – какой-нибудь твердый армячок; вместо тройки лихой – усталая лошадка... А без Бога хотя и на тройке мчатся, а уныния полный экипаж».

Распутин твердил о необходимости аграрной реформы и мечтал о «царстве вольных крестьян».

В древние, стародавние времена рядом с правителями всегда присутствовали волхвы, ведуны, провидцы (таковым был, например, Вещий Олег). Разгадать планы нечисти, предупредить об опасности, спасти государство от гибели – вот главные задачи прорицателя. Они лечили, творили магические чудеса, гадали по звездам, предсказывали будущее...

«Русский царь, убит будешь ты русским народом, а сам народ проклят будет и станет орудием Дьявола», – говорил Распутин.

Предвидел он и свою собственную гибель, после которой царская семья не проживет и двух лет: «Меня не будет, царя не будет, России не будет!».

Распутин был ярким выразителем христианского мировоззрения русского народа с его высокими духовно-нравственными ценностями: милосердием, добротой, нестяжательством, трепетным отношением к природе, всему живому; где смысл человеческого существования не в наживе, обогащении и потреблении, а в преображении души; где вера, долг, честь, нация, Отечество – выше земных благ и самой жизни. Где вся земная жизнь как служение Добру – есть дорога к Богу, к Царствию Небесному.

Жить ради Любви. «Где любовь, тут и Бог»; «Где любовь, там и свет». Любовь – основа мироздания.

За Русь Святую, за веру истинную, за царя – помазанника Божьего, такие люди легко расставались с жизнью, шли на дыбу, на костер, на плаху...

Именно на них либеральная, богоборческая интеллигенция начала прошлого века повесила ярлык «темные, невежественные религиозные фанатики»...

Откуда же исходит столь презрительное отношение «передовой интеллигенции» к собственному народу?

Глава 3. Кто имеет ум, тот сочти число зверя

*Великий Пётр был первый большевик...
Максимилиан Волошин*

В 1648 году в Москве была издана «Книга веры», в которой говорилось о приходе Антихриста в 1666 году, ибо это есть число зверя.

«А по исполнении лет числа, тысящи шести сот шестидесяте шести... настoit день Христов, якоже рче апостол».

«Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть», – говорится в Откровении Иоанна Богослова (Апока́липсисе). Когда же в 1666 году это пророчество не исполнилось, стали вести отсчет не от рождения Христа, а от его воскресения, и получалось, что пришествие Антихриста должно было состояться в 1699 году.

Но задолго до этой даты народ уже будоражили слухи о его появлении...

В рождественские Святки 1690 года, когда все богобоязненные москвичи поздравляли друг друга («Христос родился – славите!»), по заснеженным улицам Первопрестольной в санях, запряженных свиньями, собаками, быками, козлами, разъезжала шумная компания. При первых, еще отдаленных звуках бубнов, барабанов, флейт люди в ужасе спешили укрыться в домах, накрепко запирали ворота, дочек да жен под полы прятали.

Уже сам вид хмельной братии вызывал тревогу: вывернутые наизнанку полушубки, шляпы из лыка, яркие, разноцветные кафтаны, украшенные кошачьими лапками, беличьими хвостами, бороды из мочала... Бесы! Бесы! Возглавлял все это безобразие пьяный вусмерть Никита Зотов – «князь-папа». На голове его была надета жестяная митра с изображением Бахуса, на шее – крест из курительных трубок. Двухметровый верзила «протодиакон» Петрушка Алексеевич без устали колотил в барабан, и никакие запоры, затворы не были для него помехой – под напором его пьяной компании в двести человек рушились крепости. Незваные гости врываются в дом, требовали вина, водки, развлечений – с женщин срывали одежды, насиловали, действуя по правилу «пить все, что горит, вступать в интимные отношения со всем, что шевелится...». Хозяевам водку вливали силой, избивали и глумились так, что после отъезда «гостей» несчастных находили мертвыми. Прихватив понравившиеся вещи – деньги и драгоценности («святочные подарки!»), шумная компания устремлялась на поиски следующих жертв, дабы «пошутить» над ними вдоволь.

То не ворог, не лихой поляк, не свирепый татарин разбойничал, а молодой царь Петр Алексеевич со своим «Всешутейшим, всепьянейшим Собором» «поздравлял» с праздником своих подданных. И был этот Собор непристойной пародией на Церковь, на все ее обряды.

«Пиеш ли?» – задавали вопрос при вступлении в Собор нового члена, пародируя церковное «веруешь ли?».

«Быть пьяным во все дни и не ложиться трезвым спать никогда!» – таков устав «всепьянейшего» Петрова Собора.

Размахивая «крестом», дико матерясь (языком общения соборян были мат да тюремная фэня), благословлял князь-папа «посвящаемого» сырым куриным яйцом по темени – стекало его содержимое по лицу. И начиналась многодневная пьянка до поросычьего визга, до рвоты...

Мерзости, творимые Петром и его компанией, были подобны бесчинствам послереволюционного Союза воинствующих безбожников, когда бросали в костер иконы, ругались матом, блевали на алтарь, над мошами праведников кощунствовали, тир в церквях устраивали и расстреливали изображения святых...

«В Петре были черты сходства с большевиками. Он устраивал шутовские, кощунственные процессии, очень напоминающие большевистскую антирелигиозную пропаганду», – писал философ Николай Бердяев.

Петровский «всеобщейший» Собор – гнусное издевательство над христианской жизнью, мировоззрением, Церковью – просуществовал почти тридцать лет и немало способствовал потере ее авторитета.

Уже тогда, в 1690 году, в народе шептались: «Царь наш – Антихрист есть...».

С возвращением же Петра из заграничного путешествия 25 августа 1698 года (за пять дней до наступления 1699-го – год тогда начинался 1 сентября) разгорается кощунственная борьба с русскими национальными обычаями, русской культурой, историей.

В первый же день по прибытии в Москву он собственноручно режет боярские бороды.

Согласно же русским традициям, бороды обязаны были носить все православные, ибо бороды, усы были и у Христа, и у его апостолов. Брить их – большой грех, удел еретиков. Традиция ношения бороды на Руси была освящена православной церковью, как святыня охранялась государством, за нанесение ущерба бороде Ярослав Мудрый издал приказ штрафовать. Бритый мужской подбородок рассматривался как измена православной вере, связывался с пороком мужеложства...

Петр силой заставлял бриться все мужское население Московии – сыщики на городских заставах задерживали проезжих, прохожих и резали не только бороды, но и длинные полы русской национальной одежды. Осмелившихся сопротивляться подвергали жестокому наказанию: волосы на щеках вырывали с корнем. А дабы народ не мог защищаться, специальным указом Петр запретил ношение остроконечных ножей.

«Переодеться в иноземное платье в два дня!» – первый после путешествия приказ царя.

Купцам запретили торговать русской одеждой. Нарушителей наказывали кнутом, лишали имущества, отправляли на каторгу. Даже в седлах русского образца на лошадях нельзя было ездить! И только лентяев, двоечников-школяров в наказание облачали в русскую национальную одежду...

«Искореня древние навыки, представляя их смешными, глупыми, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в их собственном сердце», – писал историк Н. М. Карамзин.

Страстно боролся «царь Антихрист» с русской культурой, историей, с русской душой...

Из всех уголков России, из всех монастырей под угрозой смертной казни приказал он привезти в Москву все летописи – якобы для создания копий. Но все древние рукописи – свидетели русской истории – были им попросту уничтожены. А древнее славянское летоисчисление от «сотворения мира в Звездном Храме», то есть от окончания войны наших предков с китайской цивилизацией – древнерусский календарь – было заменено на европейское: 7208 год стал 1699-м! Русская история безвозвратно потеряла пять с половиной тысячелетий! Новый год приказал он встречать не 1 сентября – с началом увядания природы, а 1 января – в день обрезания Христа. Под запрет попал и древнейший русский календарь – месяцеслов, имевший три времени года и сорок дней в месяце, – повсеместно заменен был юлианским, дабы все было как в «просвещенной Европе»...

Но какой же была Европа, когда посетило ее государево Великое посольство?

«Миф о человеколюбивой, благоустроенной Европе и варварской Москве есть сознательная ложь», – писал историк И. Солоневич.

Только что закончилась английская революция. Население Франции и крошечных немецких государств вымирало от голода вследствие длительной, кровопролитной Тридцатилетней войны. По дорогам бродили толпы разбойников и нищих. Вся Европа полыхала кострами – так святая инквизиция, предварительно умучив жестокими пытками, избавлялась от «ведьм, колдунов, еретиков». За три столетия борьбы с ними в «просвещенной» Европе было убито более

200 тысяч женщин! Казнили даже детей в возрасте от одного года! Виселицы были неотъемлемым атрибутом многих европейских городов и селений. Лондон имел прозвище «Город виселиц».

С неменьшей жестокостью относились к животным. Последователи Декарта, картезианцы, проводили публичные «научные» опыты: собак зверски избивали палками, прибывали гвоздями лапы, живых (!) вскрывали ножами, чтобы наблюдать за кровообращением.

В течение нескольких столетий жесточайшим гонениям подвергались «спутницы ведьм» – кошки. Несчастных тысячами бросали в костер. Массовое уничтожение хвостатых в Европе вызвало нашествие крыс и, как следствие, эпидемии чумы, унесшие в могилу почти 16 миллионов человек!

Муки «приспешников дьявола» (кошек) европейцам доставляли большое удовольствие: в светских салонах наслаждались звучанием особого музыкального инструмента, именуемого кошачьим клавесином, – длинный ящик, разделенный на отсеки, в которых закрепляли живых кошек так, чтобы они не могли убежать. Головы кошек высывались в отверстия отсеков, хвосты же закреплялись под клавиатурой. «Музыкант» нажимал на клавиши – в хвосты несчастных впивались шипы, и раздавался громкий, отчаянный крик. Сразу после концерта животных сжигали.

Подобным клавесином владел испанский король Филипп Второй, отличавшийся крайне жестоким нравом: во время его правления инквизиция осудила на смерть всех жителей Нидерландов как еретиков! По приказу Филиппа Второго были казнены 125 тысяч человек!

Другим «счастливым владельцем» кошачьего клавесина стал Петр Первый...

Из той же «просвещенной Европы» привез Петр «новомодные» пытки и казни...

А уж выбор их был разнообразен: повешение за шею на широком ремне для продления агонии, повешение вверх ногами, повешение за половой член, повешение за волосы, кипячение в воде, масле, смоле, потрошение внутренностей, сажание на кол, сдирание кожи, вытягивание кишок, замуровывание в стену, погребение заживо, колесование, разрывание лошадьми, постепенное рассечение тела на части...

«Россия не знала столь же утонченно-зверских видов смертной казни и тех торжественных обрядов их исполнения, которые практиковались на Западе...» – писал профессор С. Пбзнышев.

Наши казни все-таки не отличались такой продуманной и утонченной жестокостью способов исполнения, как казни западноевропейские.

Изощренно изуверское, беспощадное уголовное право «просвещенной Европы» не шло ни в какое сравнение с карательной практикой Московии, отличавшейся духом терпимости, христианского милосердия. К смертной казни приговаривали только после длительного, тщательного расследования. Но даже в случае доказательства вины подозреваемого казнили крайне редко, поскольку соблюдался обычай «печáлования» – право высших духовных лиц просить государя о помиловании.

Гонений за веру практически не было:

«Что касается до преследований по делам веры, то я ничего не слышал об этом, – писал английский поэт, дипломат и отъявленный русофоб Дж. Флетчер. – Кроме того, что несколько лет тому назад двое, муж и жена, содержались целых 28 лет в тюрьме... и наконец были сожжены в Москве... Священники и монахи уверили народ, что эти люди были злые и проклятые еретики».

Смертная казнь путем сожжения в Московии применялась крайне редко.

В отношении быта Московии тоже нечему было учиться у Европы.

Русские крестьяне мылись в бане чаще французской знати, скрывавшей духами зловоние своих грязных тел. Европейцы, считавшие русских варварами и извращенцами, на чистоту смотрели с отвращением, вшей считали признаком святости, называли «божьими жемчужи-

нами». Широко распространенный в Европе сифилис был законодателем мод. Дабы скрыть один из признаков этой болезни – исчезновение растительности на лице и голове, мужчины и женщины одевались в парики. Эту моду Петр и прививал насильно русским людям: «Я желаю преобразить светских козлов, то есть граждан, и духовенство, то есть монахов и попов. Первых, чтобы они без бород походили в добре на европейцев, а других, чтоб они, хотя с бородами, в церквах учили бы прихожан христианским добродетелям так, как видал и слышал я учащих в Германии пасторов».

«Западный мир, куда прибыл Петр I, был уже безрелигиозный мир (благодаря влиянию материалистических идей) и объевропеевшиеся русские, прибывшие с Петром Великим, стали агентами этой европеизации, не стремясь нисколько принимать форму западного христианства», – писал английский историк Арнольд Тойнби.

«Европеизацией, – пишет И. Солоневич, – объясняются и петровские кощунственные выходки».

Источником вдохновения всех хулиганских, антихристианских проделок Петра («всеобщей Синод», непристойности с Евангелием, крестом) служили издевательства лютеранства над католицизмом. Петр применил их против православия.

Для «царя-кутилки», «миroeда», «беса на царстве» не было ничего святого – ни жизни, ни смерти.

С большим удовольствием он принимал участие в пытках, казнях, допросах, когда хрустели суставы, свистели батоги, рвались жилы, трещали кости...

«Смертью не казнить. Передать докторам для опытов» – таковы резолюции Петра на следственных делах.

Петр отменил принципы судопроизводства XVI века: неприкосновенность личности без решения суда, суд присяжных (целовальников), обеспечивавших принципы независимого суда (который Россия пыталась возродить во второй половине XIX века). Прежним судопроизводством Петр запретил пользоваться под страхом каторги. Новые же законы не «суд вершили», а «розыск учиняли», выбивая показания под пытками.

Пытали же теперь и казнили медленно, варварски, изощренно, словно наслаждались страданиями несчастных. Ни о каком христианском милосердии речь уже и не шла.

Кто мог получать удовольствие от страданий живых существ? Несомненно, Антихрист! И за распространение писем, слухов о пришествии Антихриста людей подвергали суровым наказаниям, в частности, некоего Талицкого в 1701 году долго «коптили» на костре. Сжигали и «чародеек» – «ведьм», как в «просвещенной Европе» того времени. Казнили и тех, кто не доносил на еретиков, за «пособничество в богохульстве».

Запыхали костры по всей Московии... Кроме сжиганий часто сажали на кол.

Так, в 1721 году бунтовавших жителей города Торовца в Сибири по приказу Петра Первого всех поголовно посадили на кол. Смерть пришла к ним лишь через несколько дней...

Повешенным за ребро иногда удавалось бежать, сняв свое тело с крюка, однако их ловили и вешали второй раз.

Убийц-мужей закапывали в землю живьем, и агония несчастных продолжалась до месяца...

Самым главным преступлением для Петра было неповиновение его царской воле – приказам, хотя подчас они были совершенно нелепы и невыполнимы, как, например, указ «сообщать о пожаре за полчаса до его начала»!

Изобретательным оказался ум «реформатора» и по части «легких» телесных наказаний: штрафных солдат приковывали цепью к столбу, ставили на спицы, сажали на деревянную «лошадь» с острой спиной, заставляли ходить по кольям, избивали шпигрутенами, кошками, линьками...

Для детей до 15 лет, «дабы заранее от всего отучить», в законах предусматривались розги.

У самого Петра «Великого» была целая коллекция дубинок, которыми он часто пользовал даже своих сановников. В гневе мог забить насмерть! Так, один из придворных служителей, не успевший снять перед Петром шляпу, поплатился жизнью за свою нерасторопность.

Самым жестоким образом расправился со стрельцами. Пытали не только стрельцов, но даже их жен и детей...

Бунт стрельцов не был восстанием защитников московского варварства. Он был направлен против порядков Петра, в защиту христианских, народных традиций, и застенки Преображенского приказа, так напоминавшие подвалы будущего НКВД, современники императора представляли земным адом, где бесы мучили православных за христианскую веру...

Трудно назвать православным царя, собственноручно отрубившего головы восьмидесяти стрельцам! Чувства жалости, сострадания были ему недоступны! Даже придворных своих заставлял он стать палачами: каждый боярин обязан был отрубить голову одному стрельцу. Как же не любил Петр, когда руки бояр дрожали! В гневе был ужасен: глаза, налитые кровью, вылезали из орбит, а перекошенное лицо дергалось в нервном тике. В этом состоянии он мог покалечить или даже зарубить любого, кто случайно встретится на пути...

Некоторые из стрельцов удостоились нового вида казни – колесования, новшества, привезенного Петром из-за границы. Священников мятежных стрелецких полков под сатанинское хихиканье присутствовавших вешал палач, наряженный священником, на специальной виселице в виде креста.

А после кровавой тризны сей монстр, по колено в крови, с удовольствием предавался беспечному веселью, пьянству, многодневным кутежам...

После гибели замученного в каземате сына, при пытках которого царь присутствовал, Петр с соратниками на следующий день шумно веселился до полуночи, отмечая годовщину Полтавской «виктории».

В 1718 году им был издан указ о преследовании раскольников – их пытали, выжигали им языки, их коптели на кострах, колесовали...

Дабы не попасть в лапы петровской инквизиции, тысячи старообрядцев с женами и детьми подвергали себя самосожжению, ибо такое самоубийство считалось богоугодным...

Кто, как не сам Антихрист, мог так упоенно наслаждаться муками православных?

Конечно же, он – «зверь, вышедший из бездны!» «Пришествие Антихриста свершилось! Конец света близок!» – шептались москвиты.

Трупами казненных «украшались» стены Московского Кремля и Новодевичьего монастыря, как позже и берега Невы, и Финского залива, где «великий реформатор» на костях погибших от холода и истощения людей строил свой северный «парадиз» – рай...

Как же похоже на «великие сталинские стройки» 30-х годов возведение Санкт-Петербурга! Когда десятки тысяч крестьян, согнанных со всех уголков страны, вынужденных работать, стоя в холодной воде, не приспособленных к суровому – влажному, сырому, холодному – климату, «мерли как мухи» от недоедания, тяжелых заболеваний, полного отсутствия медицинской помощи!

Россия при Петре быстро превращалась в казарму. Во всем был введен регламент.

Любой, кто отдалялся на расстояние более чем в 30 верст от места жительства, считался беглым, объявлялся в розыск; его ждало жестокое наказание. Выходить на улицу всем, кроме дворян и духовенства, в темное время суток запрещалось. Одеваться, причесываться, играть свадьбу, хоронить покойников можно было лишь по определенным, установленным «великим реформатором» правилам. Родственники, священники, соседи обязаны были доносить на тех, кто «предписаний» не выполнял, как на «замышлявших преступление». Контроль за выполнением правил был возложен на новую службу – фискалов. Особые, карательные права получила гвардия: «ковать в железо» всех, кто вызывал хоть какое-то подозрение. Для судопроизводства Петром Первым были утверждены «гвардейские» тройки, состоявшие из майора, капитана,

поручика. Дела рассматривались не согласно закону, а согласно «здравому смыслу», совсем как во времена революционных троек эпохи Октябрьского переворота.

За 36-летнее царствование Петра Первого политическим преследованиям подверглось более 60 тысяч человек.

«Реформы Петра были борьбой деспотизма с народом, – писал Ключевский. – Он создал фискально-полицейское государство с его произволом, его презрением к законности и человеческой личности, с притуплением нравственного чувства».

За время правления Петра «Великого» население России уменьшилось на два миллиона. Впрочем, убыль населения императора и не волновала. Русских он ненавидел: русские, по его словам, – животные («Я имею дело не с людьми, а с животными, которых хочу переделать в людей!»), недоумки и пьяницы!

Но еще в эпоху царя Алексея Михайловича богобоязненная Русь употребляла лишь медовуху. С пьяницами боролись – заливали расплавленный свинец в горло, курителей били кнутом и рвали им ноздри. При Петре же запойное пьянство было возведено в правило хорошего тона. Отказ пить алкоголь – ром, водку, коньяк – воспринимался как преступление. Каждое событие государственного масштаба, каждый праздник ознаменовывался повсеместным недельным и беспробудным пьянством. Сам Петр мог выпить до сорока стаканов вина в день.

Пьянство, табакокурение насаждалось царем посредством специальных указов:

«Не гнать мужиков-питухов из кабака, пока до нательного креста не пропьются!»;

«Закуску в кабаках не продавать!».

Спиртное он называл «Ивашкой Хмельницким», блуд – «Еремкой».

Будучи фанатичным и бездумным поклонником западного образа жизни, Петр приветствовал как высшее достижение европейской мысли модное в Европе масонство.

Г. Вернадский в книге «Русское масонство в царствование Екатерины II» пишет, что среди рукописей масона Ленского найдено письменное свидетельство, указывающее на то, что Петр Первый вместе с Лефортом, находясь в Голландии, был принят «в орден тамплиеров – разоблаченных поклонников Сатаны».

Сразу после возвращения Петра в Московию возникают и распространяются по всей стране масонские ложи. Петр пользовался у масонов особым, благоговейным почитанием, и на собраниях «вольных каменщиков» часто исполнялась державинская «Песнь Петру Великому».

Программой российских масонов, подхваченной позднее «прогрессивной» западнической, либеральной, революционной интеллигенцией, были борьба с православием как с «силой, тормозящей прогресс», гонение на Церковь, пропаганда ненависти к русской истории, обычаям и традициям.

«Петр Первый, – пишет русский философ В. И. Иванов, – стал жертвой и орудием страшной разрушительной силы, потому что не знал истинной сущности братства вольных каменщиков. Он встретился с масонством, когда оно еще только начало проявлять себя в общественном движении и не обнаружило своего подлинного лица.

Масонство – двуликий Янус: с одной стороны – «братство, любовь, благотворительность и благо народа»; с другой – атеизм и космополитизм, деспотизм и насилие... Эта программа сводилась к следующему: забвение или открытая ненависть к прошлому (!). Взгляд на религию и борьба с ней как с силой реакционной и враждебной прогрессу».

Русский народ рассматривался лишь как средство достижения цели.

Результатом церковной реформы Петра стала отмена патриаршества, замена его Священным синодом, состоявшим часто из лиц недуховного звания, – многие принадлежали к масонским ложам. Священников Петр превратил в фискалов: отменив тайну исповеди, обязал сообщать властям все, о чем говорили прихожане. Настоящую охоту устроил царь на непокорных церковнослужителей – многие русские епископы побывали в тюрьмах, священников били кну-

тами, лишали духовного сана... Гонения на русское духовенство при Петре сравнимо с его массовым уничтожением при большевиках.

Верхом цинизма был приказ Петра снимать колокола с колоколен, дабы перелить их в пушки.

Сделать это можно было лишь при помощи специальных присадок, которых в ту пору в Московии не было. Поэтому из 90 тысяч пудов колокольной меди в оружейную сумели перелить только 8 тысяч, остальные колокола так и остались валяться, никогда больше не вернувшись на колокольни, никогда больше не зазвонив. Лишение церковей колоколов воспринималось народом как еще одно доказательство царской бесовщины. Ведь, по древним поверьям, колокольный звон обладает магической силой, способной прогнать прочь нечистых духов, а с третьим ударом колокола бесы и вовсе проваливались в преисподнюю...

Последователи Петра – большевики-богоборцы – пошли еще дальше: взрывали храмы, превращали в помойки, глумились над мощами святых...

Церковь при Петре Первом с потерей духовного начала утратила уважение народа, моральный авторитет и превратилась в государственный аппарат (нечто вроде полиции нравов), прислуживавший любой власти. Так, после «великой бескровной» Февральской революции 1917 года Церковь благословляет Временное масонское правительство, а потом, в 1927-м, и вовсе советскую власть большевиков-безбожников.

С эпохи Петра начинается и огрубление народных нравов: пьянство, разврат, садизм, упадок нравственности.

«Старая Московская, национальная, демократическая Русь, – пишет И. Л. Солоневич, – петровскими реформами была разгромлена до конца. Были упразднены: и самостоятельность Церкви, и народное самоуправление, и суд присяжных, и гарантия неприкосновенности личности...»

«Разговоры о том, что без этих реформ сверху Русь бы неизбежно погибла, – писал публицист Борис Башилов, – относятся к числу вымыслов западнически настроенной интеллигенции, стремившейся оправдать безобразные насилия Петра над душой русского народа».

«Допетровская Россия была деятельна и крепка, хотя и медленно слагалась политически; она выработала себе единство и готовилась закрепить свои окраины; про себя же понимала, что несет внутри себя драгоценность, которой нет нигде больше, – православие, что она – хранительница Христовой истины, но уже истинной истины, настоящего Христова образа, затемнившегося во всех других верах и во всех других народах», – писал Достоевский.

«Усвоение западной культуры началось задолго до Петра. Западные ученые и архитекторы работали в России задолго до Петра, а посылку русских юношей за границу начал еще Борис Годунов. Но усвоение западноевропейской культуры шло естественным – нормальным путем, без крайностей...» – вторит ему Б. Башилов.

Первая газета (не «Ведомости» Петра, а «Вести-Куранты») выходит еще в 1621 году при Алексее Михайловиче (отце Петра Первого). Издано «Соборное Уложение» в две тысячи экземпляров – для Европы тираж невиданный. Издается систематизированная история государства Московского – «Степная книга», одиннадцатитомная иллюстрированная история мира «Царственная книга», энциклопедический словарь «Азбуковник», «Домострой» Сильвестра... До Февральской революции сотни сочинений XVII века хранились в московском архиве Министерства юстиции.

Вот уже почти двести пятьдесят лет историки спорят, был или не был Петр Первый реформатором.

Предоставим им право решать этот вопрос, но...

Разве могло быть «полезным» введение дикого крепостного рабства путем передачи крестьян в собственность дворянам, с разрешением продавать и дарить христианские души, разлучать семьи?

«[До Петра] по уложению 1649 года крестьянин был лишен права сходить с земли, но во всем остальном он был совершенно свободным. Закон признавал за ним право на собственность, право заниматься торговлей, заключать договоры, распоряжаться своим имуществом по завещаниям», – писал историк Е. Ф. Шмурло. Повинных в издевательствах над мужиками, грабеже наказывали телесно, лишали владений, невзирая на звание – князь то или простой дворянин.

При Петре же русский мужик превратился в бесправного раба.

Эксплуатация миллионов крепостных крестьян, чей труд был единственной производительной силой, приобрела невиданно жестокий характер, на многие десятилетия отбросила Россию в развитии...

Разве могло быть «полезным» истребление потомственных военных – стрельцов, составлявших основу профессиональной русской армии? Именно с Петра Первого в армию стали призывать не представителей стрелецкой касты, а простых крестьян. Служба стала обязательной, принудительной и длительной – 25 лет! Жениться солдату нельзя было до пятидесяти, как и заниматься сельским хозяйством, торговлей, извозом, что ранее было дозволено стрельцам. Рекрутам надевали кандалы, на кисти правой руки делали татуировку в виде креста. Большая часть призывников погибала от холода и голода еще на сборных пунктах. Служба в армии практически превратилась в отбывание тюремной повинности...

Из-за многочисленных войн и военных походов казне постоянно не хватало финансов. Для пополнения вводились новые налоги, придуманные чиновниками новой профессии – прибыльщиками.

Часто налоги были откровенно курьезными, как, например, на бороды и цвет глаз.

Черноглазые и кареглазые жители Башкирии обязаны были платить два алтына, сероглазые – семь, зеленоглазые и голубоглазые – 10 и 13 алтынов в год, и все это для того, чтобы светлоглазые русские крестьяне не бежали на плодородные окраины империи.

Путем введения специального банного налога Петр Первый попытался отучить русский народ мыться (чтобы уж совсем было как в «просвещенной» Европе!). Все бани сдавались на откуп с торгов – запрещалось иметь собственные в личном пользовании, нарушителей штрафовали, строения ломали.

Большой заслугой Петра является «создание российского флота»...

Но задолго до его правления Русь имела несколько сотен кораблей ледового класса (поморских кóчей) в Белом море, а также на Каспии («каспийские бусы»).

Однако, по мнению «великого реформатора», русские корабли «имели неправильные обводы» – «не как у голландцев»: велено было их уничтожить и построить новые – «как у голландцев».

Под страхом каторги запрещалось ходить на старых судах. Новые же, созданные по голландскому образцу, в условиях Севера оказались нежизнеспособными.

Азовская и каспийская флотилии, построенные в короткие сроки, из сырого леса, быстро сгнили.

Огромные линейные корабли балтийского флота оказались не приспособленными к маневрам в узких проливах Балтики. Пришлось царственному «преобразователю» строить галерный флот для борьбы со шведами, а также покупать готовые суда у соседей...

Большие океанские корабли России оказались ненужными, и невостребованный петровский флот сгнил за ненадобностью в последующие после его смерти 20 лет.

Что касается промышленности, то использование крепостного труда, введение командно-административного, антирыночного управления, превращение всех прибыльных производств в частно-государственные монополии, уничтожение мелкого, ремесленного производства обусловили ее техническое отставание и неконкурентоспособность в последующие 150 лет.

До Петра «Великого» попасть на земли Московии иностранцам было достаточно сложно – пересечение границы позволялось лишь посольствам, купцам, немногим путешественникам. «Прорубил окно в Европу» Петр Первый, и хлынули на землю русскую толпы авантюристов, мошенников, аферистов с единственным интересом – набить деньгами свои пустые карманы. Но именно им, дешевым искателям приключений, Петр предоставлял огромные льготы по сравнению с русскими дворянами или купцами.

Новые привилегии предоставлялись и русскому дворянству, простой же народ становился все более и более бесправным.

«С Петра Первого начинаются особенно поразительные и особенно близкие и понятные нам ужасы русской истории... Беснующийся, пьяный, сгнивший от сифилиса зверь четверть столетия губит людей, казнит, жжет, закапывает живьем в землю, заточает жену, распутничает, мужеложествует...»

Сам, забавляясь, рубит головы, кощунствует, ездит с подобием креста из чубуков в виде детородных органов и подобием Евангелий – ящиком с водкой...

Коронует ****ь свою и своего любовника, разоряет Россию и казнит сына... И не только не понимают его злодейств, но до сих пор не перестают восхваления доблестей этого чудовища, и нет конца всякого рода памятников ему», – писал Л. Н. Толстой.

«При Екатерине Второй родилась петровская легенда – легенда о мудром царе-преобразователе, прорубившем окно в Европу и открывшем Россию влиянию единственно ценной западной культуры и цивилизации, – писал Лев Гумилев. – К сожалению, ставшая официальной в конце XVIII века легендарная версия не была опровергнута ни в XIX, ни в XX столетиях. Пропагандистский вымысел русской царицы немецкого происхождения, узурпировавшей трон, подавляющее большинство людей и по сию пору принимает за историческую действительность».

Фальсифицированный Екатериной образ Петра Первого был распропагандирован Сталиным, курировавшим лично в 1937 году съемки кинофильма «Петр Первый» по одноименному роману Алексея Толстого, рисовавшего, по мнению Солоневича, «сталинскую Россию, петровскими методами реализующую петровский же лозунг “догнать и перегнать передовые капиталистические страны”».

У Петра Первого и Сталина много общего: и культ личности, и результат деятельности – превращение страны в тоталитарное, полицейское государство.

По-иному рассматривают деятельность Петра Первого ученые, писатели, политики.

«Указы Петра вбили клин между двумя группами населения, – пишет историк А. М. Буровский. – После Петра служилые верхи и податные низы понимают друг друга все хуже. У них складываются разные системы ценностей и представления о жизни, и они все чаще осознают друг друга как представителей едва ли не разных народов».

«В результате вместо единого прежде народа, одинаково верившего, одинаково думавшего, имевшего одинаковые обычаи, возникло как бы два отдельных народа. Верхи стали европейцами, весь народ остался русским по своим верованиям, мирозерцанию и обычаям. В результате петровской революции высшие европеизированные круги русского общества стали каким-то особым народиком внутри русского общества, – писал Борис Башилов. – Петровская реформа как морской губкой стерла родовые воспоминания. Кажется, что вместе с европейской одеждой русский дворянин впервые родился на свет. Забыты века...»

«Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государства, подобно физическому, нужное для их твердости».

«История учит, что народ, позабывший свое прошлое, не имеет будущего...»

Тому вторят и «Бесы» Достоевского: «Кто проклянет свое прошлое, тот уже наш».

«Русских невозможно победить, мы убедились в этом за сотни лет. Но русским можно привить ложные ценности, и тогда они победят сами себя!» (Отто фон Бисмарк).

«Заберите у народа его историю, и через сто лет он превратится в стадо, а еще через сто лет им можно будет управлять» (Йозеф Геббельс).

«...Созданный им [Петром] раскол общества теперь просто обязан был вызреть в страшный и уродливый нарыв, который затем столетиями рос и увеличивался в размерах, – пишет современный историк А. Мартыненко, – и, несмотря на отчаянные усилия последних наших православных царей выправить ситуацию, устранив неотвратимо надвигающиеся бури и потрясения, так все же и прорвался, выплеснув всю созревшую в нем гниль в виде революций и революционеров на мостовые российских городов».

Русская интеллигенция, оторванная от народных традиций и идеалов, все более и более сползавшая к пониманию прогресса как возрастающего потребления материальных благ, не принимала духовных ценностей Святой Руси и Григория Распутина как носителя этих ценностей считала мракобесом, фанатиком, «тормозом на пути западноевропейского прогресса», подозревала в самых ужасных преступлениях...

Глава 4. Как сладостно – отчизну ненавидеть...

*Кто же осуществил русскую революцию?
Правилен только один ответ: революционная интеллигенция,
рождённая духом петровских преобразований.
Профессор Ф. Степун – русский философ, литератор, социолог*

«Когда за столом кто-то произнес слово «интеллигент», – писал граф С. Ю. Витте в своих воспоминаниях, – государь заметил: “Как мне противно это слово, – и саркастически добавил: – Следует приказать Академии наук вычеркнуть это слово из русского словаря”».

Масонство, внедренное в Московии Петром Первым, по словам историка Бориса Башилова, сыграло огромную роль «в формировании в России того уродливого, противоестественного слоя в недрах русского образованного слоя, которого не существует в остальных странах и который стал известен под именем русской интеллигенции. Русская интеллигенция – космополитическая по своим идейным устремлениям, враждебно настроенная ко всем основам русской культуры – духовно есть дитя европейского масонства...

Без ясного представления о том, каким образом русская интеллигенция довела русский народ до большевизма, невозможно выйти из того идеологического кризиса, в котором находится сейчас русский образованный слой и здесь и там... Образованный слой всякой страны в своем культурном творчестве опирается на духовные основы своей национальной культуры. Русская же интеллигенция с момента появления яростно ненавидит все основы русской самобытной культуры и принципиально отрицает возможность ее существования...

Мировое масонство объединяется не любовью к существующему миру, а ненавистью. Ненавистью к религиям, монархиям и так далее. Ненависть объединяла и сплачивала воедино в особый политический орден и русскую интеллигенцию. Ненависть к самодержавию, к православию, к русскому историческому прошлому, ненависть к самобытным традициям русской культуры – таков идейный цемент, скреплявший различные интеллигентские секты в одно духовное целое».

Революционные демократы-интеллигенты создали в России XIX века атмосферу непрерывной гражданской войны. «Эти люди, – писал Достоевский, – ничего не понимали в России, не видели ее своеобразия и ее национальных задач. Они решили политически изнасиловать ее по схемам Западной Европы “идеями”, которыми они, как голодные дети, объелись и подавились». Они не понимали, что «...мы не в состоянии втиснуть себя в одну из западных форм жизни, выжитых и выработанных Европой из собственных своих национальных начал, нам чуждых и противоположных, – точно так, как мы не могли бы носить чужое платье, сшитое не по нашей мерке».

Русским «прогрессивным» интеллигентам-западникам противостояли славянофилы – те, кто придерживался взглядов на Россию как на великое самобытное государство с великой духовной культурой, великой историей.

«Мир России XIX века отчетливо расслаивается на два уровня: уровень подлинной культуры, уровень Пушкина, на произведениях которого воспитывались три поколения Романовых, и, с другой стороны, уровень Белинского, Писарева, Чернышевского, Добролюбова, на котором воспитывались три поколения так называемой «русской интеллигенции» (Д. Галковский).

*Да будет проклят этот край,
Где я родился невзначай...
И, может, дальний голос мой...*

Накличет бунт под русским небосклоном...

– пишет Н. П. Огарев, ближайший друг Александра Герцена.

Прекрасным ответом ему звучат слова А. С. Пушкина: «Я далек от того, чтобы восхищаться всем, что вижу вокруг себя; как писатель я огорчен... многое мне претит, но клянусь вам моей честью – ни за что в мире я не хотел бы переменить Родину или иметь иную историю, чем история наших предков, как ее нам дал Бог».

Современник Пушкина профессор Московского государственного университета Владимир Печерин откровеннее Огарева:

*Как сладостно – отчизну ненавидеть
И жадно ждать её уничиженья!
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрожденья!
(Я этим набожных господ обидеть
Не думал: всяк своё имеет мненье.
Любить? – Любить умеет всякий нищий,
А ненависть – сердце могучих пища!)
Тогда в конвульсиях рука трепещет,
И огненная кровь кипит рекою,
И, как звезда, кинжал пред оком блещет
И в тёмный путь манит меня с собою...
Я твой! Я твой! – Пусть мне навстречу хлещет
Весь океан гремящую волною!..
Дотла сожгу ваш... храм двуглавый
И буду Герострат, но с бóльшей славой!*

Денница – одно из имен Люцифера, падшего ангела, возжелавшего стать равным Богу. «Взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой» (Ис. 14:13).

Змеем-искусителем заставил он согрешить в Эдемском саду прародителей человечества...

За гордыню свою, за мысли темные проклят был Богом, низвергнут с небес и брошен в пылающий Ад.

«И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты» (Быт. 3:14).

Печерин в уничтожении отчизны (России) приветствует возрождение проклятого Богом Люцифера!

«Вставай, проклятым заклейменный!» – пели позже революционеры-интернационалисты...

Вместо любви (удела «нищих») – ненависть «могучих сердец» и желание сжечь православный храм – вот что проповедовал своим студентам профессор Печерин, друг А. Герцена! Радикальные прозападные взгляды привели профессора к решению покинуть Россию, стать монахом-иезуитом и остаток жизни провести в английских монастырях. В 1848 году он был лишен российского гражданства.

Свои воспоминания и письма Печерин издал в сборнике под общим названием «Замогильные записки», где Россия представлена «городом мертвых» («Некрополисом»), лишенным каких-либо перспектив развития.

Взгляды, творчество, философское учение Печерина, полностью порвавшие с национальными традициями, отражали идеи масонов.

«Масонство с Люцифером, главой восставших ангелов, вполне приемлемо», – говорил в своем докладе «Посвящение в спиритуализм» известный масон Освальд Вирт (художник, оккультист, создатель колод Таро, один из основоположников каббалистического ордена Розы и Креста). Ибо восстание Люцифера против Бога произошло по причине «вопиющих несправедливостей божественной администрации. В сущности, ангел Света (Люцифер) представляет собой дух свободы. В этом смысле масонство вполне приемлет люциферианство».

Главный масон Альберт Пайк (американский адвокат, генерал армии Конфедерации, писатель, реформатор Древнего и принятого шотландского устава, великий командор Верховного совета южной юрисдикции) 14 сентября 1889 года издает официальные письменные указания, объясняющие, что Богом масонов является «Великий Архитектор Вселенной – Люцифер».

Первым революционером, восставшим против Бога, считал Люцифера и основоположник научного коммунизма Карл Маркс.

В своих юношеских стихотворениях он пишет:

*Мне не осталось ничего, кроме мести,
Я высоко воздвигну мой престол,
Холодной и ужасной будет его вершина,
Основание его – суеверная дрожь.*

(«Заклинания впавшего в отчаяние»)

«Адские испарения поднимаются и наполняют мой мозг до тех пор, пока не сойду с ума, и сердце в корне не переменится. Видишь этот меч? Князь тьмы продал его мне» («Скрипач»).

«Скоро я прижму вечность к моей груди

И диким воплем изреку проклятие всему человечеству» («Оуланем»).

«Я утратил небо и прекрасно знаю это. Моя душа, некогда верная Богу, предопределена для Ада» («Бледная девочка»).

Дочь Маркса вспоминала, как часто на ночь отец рассказывал своим детям длинную «сказку» «о продаже самых дорогих сердцу вещей Сатане».

Сын Маркса Эдгар называл отца в письмах «мой милый дьявол»; «о верховный жрец и владыка души...» – так обращалась к нему супруга.

Страшная кончина ждет всех, кто связывает себя с Сатаной, для кого «ничто не истина и все позволено»...

Тяжело, годами болела супруга Маркса Женни фон Вестфален. Рождались и умирали в младенчестве дети.

Долго страдала от онкологии старшая дочь, средняя и младшая (вместе с мужем – П. Лафаргом) покончили жизнь самоубийством.

Свои собственные недуги Маркс часто описывал в письмах к Энгельсу: болезнь печени, разлитие желчи, многодневная рвота, геморрой, невралгия левой части головы, ревматизм в правой руке и бесконечные гнойные прыщи, язвы. Станным образом кожное заболевание обострялось, как только Маркс садился за работу над «Капиталом». Лечился вином – друг Фридрих присылал «лекарство» ящиками.

«Капитал» так и не был закончен – от одной мысли о нем кожа автора покрывалась карбункулами.

«Как бесцельна и пуста жизнь!» – жаловался он Энгельсу незадолго до смерти.

Фридрих Энгельс, заявлявший: «Борьба с христианским миропорядком, в конце концов, является нашим единственным насущным делом»; «Диалектическое понимание жизни сводится к смерти. Все достойно гибели»; «Жить – значит умирать», – долго, мучительно и безуспешно сражался с тяжелой болезнью – раком ротовой полости...

«Бог – это глупость и трусость! Бог – лицемерие и фальшь! – восклицал друг Маркса, социалистический мыслитель Прудон. – Бог – это тирания и нищета! Бог – это зло! Я клянусь, Бог, подняв к небу руку, что Ты не что иное, как плач моего разума, жезл моей совести».

В работе «О справедливости в революции и церкви» есть описание его вступления в масоны: «Как всякий неофит, прежде чем получить Свет, я должен был ответить на три вопроса: чем обязан человек своему ближнему, своей стране, Господу? На первых два вопроса мой ответ был выдержан в рамках ожидаемого. На третий вопрос, чем обязан человек Богу, я ответил: войной».

По инициативе и планам мирового масонства развивались все революционные и разрушительные события в странах Европы: Великая французская революция, восстание декабристов, Крымская война, Парижская коммуна, Первая мировая война. Либеральные идеи, популяризовавшиеся масонами в России, прочно укоренились в умах российской интеллигенции, отразились в произведениях русских писателей, публицистов, философов, особенно в сочинениях так называемых революционных демократов: Герцена, Бакунина, Огарева, Нечаева, Лаврова, Ткачева.

В конце же XVIII века была проведена репетиция грядущей революции в России. Прикрываясь высокогуманным лозунгом «Свобода, равенство, братство!», масоны подготовили и осуществили Великую французскую революцию. Ученые, философы, просветители – Вольтер, Франклин, Дантон, Кондорсе, Дюпати, братья Монгольфье, Эли де Бомон, Кур де Жебелен, Камиль Демулен, Бриссо, Сийес, Гудон, – бывшие членами масонской ложи «Девять Сестер», готовили революцию идейно, подрывая государственные основы королевской Франции пропагандой ненависти к христианству, монархии, требуя реформ и коренного переустройства общества.

Масонские ложи рекламировали произведения «просветителей». Литературные сборники, романы, брошюры, направленные против правительства, религии, нравственности, издавались клубом масона Гольбаха. Разносчиками, странствующими по деревням, распространялись памфлеты, эпиграммы, анекдоты непристойного содержания, высмеивающие короля и королеву.

Франция в ту пору достигла расцвета: развивалась промышленность, улучшалась экономика. Вопреки распространенному мнению, Людовик XVI покровительствовал не аристократии, а третьему сословию. Французы чтили и любили своего короля, ревностно хранили католическую веру. Но Людовика XVI окружали враги: министры его правительства прилагали все усилия для ослабления монархии.

«Революция 1789 года, – писал в книге «Тайные силы революции» виконт Леон де Понсен (французский философ-традиционалист и один из крупнейших конспирологов XX века), – не была ни самопроизвольным движением против «тирании» старого порядка, ни искренним порывом к новым идеям свободы, равенства и братства, как в это хотят нас заставить верить. Масонство было тайным вдохновителем и в известной степени руководителем движения. Оно выработало принципы 1789 года, распространило их в массах и активно содействовало их осуществлению». Все революционные события были спланированы, хорошо продуманы и детально разработаны.

Аналогичная подготовка к свержению монархии, ее дискредитации в глазах народа происходила в XIX веке в России.

И опять главную роль в расшатывании государственных основ играла литературная «интеллигенция». Проповедуемые ею атеизм и ненависть к религии, самодержавию, культурным традициям, обычаям русского народа подрывали духовно-нравственные основы российского общества.

«Русские революционеры-демократы не понимали величайших государственных трудностей, создаваемых русским пространством, – рассказывает писатель, публицист, философ

Иван Ильин, – русским климатом и ничтожной плотностью русского населения. Они совершенно не разумели того, что русский народ является носителем порядка, христианства, культуры и государственности среди своих многонациональных и многоязычных сограждан. Они не желали считаться с суровостью русского исторического бремени (на три года жизни – два года оборонительной войны) и хотели только использовать для своих целей накопившиеся в народе утомление, горечь и протест. Они не понимали того, что государственность строится и держится живым народным правосознанием и что русское национальное правосознание держится на двух основах – на православии и на вере в царя. Как «просвещенные» неверы, они совершенно не видели драгоценного своеобразия русского православия, не понимали его мирового смысла и его творческого значения для всей русской культуры...

На этой политической близорукости, на этом доктринерстве, на этой безответственности была построена вся программа и тактика русских революционных партий. Они наивно и глупо верили в политический произвол и не видели иррациональной органичности русской истории и жизни».

Одним из первых идейных борцов с «проклятым царизмом», мечтавшим «похоронить самодержавие», был Петр Яковлевич Чаадаев, создатель «Философических писем», в которых он заявил о неполноценности русского народа и всей России. «Все народы мира выработали определенные идеи. Это идеи долга, закона, права, порядка... Мы ничего не выдумали сами и из всего, что выдумано другими, заимствовали только обманчивую наружность и бесполезную роскошь». И виновно в этом, по мнению Чаадаева, православие. Если бы Россия приняла католицизм, все было бы «как у них». Чаадаев послужил прообразом Смердякова в романе Достоевского «Братья Карамазовы»: «я всю Россию ненавижу», «желаю уничтожения всех солдат», «...как было бы хорошо, если бы в 1812 году умная нация французская покорила бы глупую нацию русскую и присоединила к себе...».

Пушкин, видевший, как много людей в начале XIX века одурачено масонской пропагандой, писал: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие»; «Простительно выходцу не любить ни русских, ни России, ни истории ее, ни славы ее. Но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев».

Главной заботой революционных демократов был якобы «забитый русский народ», «стонущий под гнетом крепостничества», который, как призывал революционер А. Герцен, следовало «немедленно освободить», а также «разрушить все верования, разрушить все предрассудки, поднять руку на прежние идолы, без снисхождения и жалости»!

Однако, уезжая в Лондон, этот «пламенный борец» за свободу народа своих собственных крепостных крестьян не освободил, а продал! Как и его друг Н. Огарев.

Активно ведет Герцен антироссийскую деятельность за рубежом: на доходы от продажи крестьян содержит политический салон в Париже, основывает Вольную русскую типографию в Лондоне, выпускает политические, антироссийские листовки, журнал «Полярная звезда», газету «Колокол», в которых призывает российских солдат переходить на сторону врага, сдаваться англичанам во время Крымской войны и осады Севастополя; печатает намеренную ложь о «зверствах русских солдат» во время восстания в Польше (не упоминая при этом о терроре и шантаже поляков) и предлагает русским солдатам сдаваться на сей раз польским повстанцам! Когда же наблюдает в России мощный патриотический подъем, называет его «сифилисом патриотизма».

И, опять же, находим у Пушкина стихотворение, которое может стать ответом Герцену, хотя и было написано в 1831 году:

Ты просвещением свой разум осветил,

*Ты правды чистый лик увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.*

<...>

*Ты руки потирал от наших неудач,
С лукавым смехом слушал вести,
Когда полки бежали вскачь,
И гibly знамя нашей чести...*

Впрочем, призывы Герцена к русским солдатам стать предателями Родины являлись частью программы Маркса – Энгельса по уничтожению Российской империи. Они предлагали превратить Крымскую войну в «войну [цивилизованных] наций» против России. Нужно избежать ошибок Наполеона – указывает Энгельс в своем военном обосновании похода на Москву.

«Кронштадт необходимо уничтожить... – пишет Маркс. – Без Одессы, Кронштадта, Риги, Севастополя, с эмансипированной Финляндией и враждебной армией у врат столицы, со всеми своими реками и заливами, блокированными союзниками, что будет с Россией?» Главное, по мнению Маркса, – уничтожить русских! «В войне с Россией... совершенно безразличны мотивы людей, стреляющих в русских, будут ли мотивы... черными, красными, золотыми или революционными». Ибо «пока существует Русское (православное) государство, никакая революция в Европе и в мире не может иметь успеха».

«Давно уже в Европе существуют только две действительные силы – революция и Россия, – писал Ф. И. Тютчев. – Эти две силы теперь противопоставлены одна другой, и, быть может, завтра они вступят в борьбу. Между ними никакие переговоры, никакие трактаты невозможны; существование одной из них равносильно смерти другой! От исхода борьбы, возникшей между ними, величайшей борьбы, какой когда-либо мир был свидетелем, зависит на многие века вся политическая и религиозная будущность человечества. Русский народ – христианин не только в силу православия своих убеждений, но еще благодаря чему-то более задушевному, чем убеждения...»

*Умом Россию не понять,
Аришном общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить!»*

«Если вам встретится ветеран наполеоновской армии, напомните ему его славное прошлое и спросите, кто среди всех противников, воевавших с ним на полях сражений Европы, был наиболее достоин уважения, кто после отдельных поражений сохранял гордый вид, – можно поставить десять против одного, что он назовет вам русского солдата. Пройдитесь по департаментам Франции, где чужеземное вторжение оставило свой след в 1814 году, и спросите жителей этих провинций, какой солдат в отрядах неприятельских войск постоянно выказывал величайшую человечность, высочайшую дисциплину, наименьшую враждебность к мирным жителям, безоружным гражданам, – можно поставить сто против одного, что они назовут вам русского солдата. А если вам захочется узнать, кто был самым необузданным и самым хищным, – о, это уже не русский солдат! Он (русский народ) – христианин в силу той способности к самоотвержению, которая составляет как бы основу его нравственной природы. Революция – враг христианства! Антихристианское настроение есть душа революции» (Тютчев).

«Необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души. Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли: та же безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широта», – писал Николай Бердяев.

«Поблагодарите Бога, прежде всего за то, что вы русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви нас ведет теперь сам Бог!» – говорил Николай Гоголь.

«Стать русскими во-первых и прежде всего, – писал Достоевский. – Если общечеловечность есть идея национальная русская, то, прежде всего, надо каждому русскому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу все изменится. Стать русским – значит перестать презирать народ свой. И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнет и нас самих уважать. И действительно: чем сильнее и самостоятельнее развились бы мы в национальном духе нашем, тем сильнее и ближе отозвались бы европейской душе и, породнившись с нею, стали бы тотчас ей понятнее. Тогда не отвергивались бы от нас высокомерно, а выслушивали бы нас. Мы и на вид тогда станем другими. Став сами собой, мы получим наконец облик человеческий, а не обезьяний».

Каким же русофобским на фоне слов Достоевского и Гоголя выглядит высказывание Виссариона Белинского: «Верст за тридцать до Харькова я увидел Малороссию, хотя еще и перемешанную с грязным москальством... Другие лица, смотрят иначе. Дети очень милы, тогда как на русских смотреть нельзя – хуже и гаже свиней».

Всю русскую историю Белинский называл потерянной «в грязи и навозе», видел «в словах Бог и религия... тьму, мрак, цепи и кнут», писал, что проповеди и молитвы в России вредны, что Гоголь – «проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов», а «в громозвучных стихах Ломоносова нет ничего русского».

«Вы говорите, что спасение России в европейской цивилизации, – отвечал Гоголь, – но какое это беспредельное и безграничное слово, хоть бы вы определили, что такое нужно разуметь под именем европейской цивилизации, которое бессмысленно повторяют все. Тут и фаланстерьен, и красный, и всякий, и все готовы друг друга съесть, и все носят разрушающие, такие уничтожающие начала, что уже даже трепещет в Европе всякая мыслящая голова и спрашивает невольно: где наша цивилизация?»

Неудивительна русофобия основоположников марксизма. Все славяне, считал Маркс, кроме «цивилизованных» поляков, являются «низшей расой»: «Эта великолепная территория [Балканы] имеет несчастье быть населенной конгломератом различных рас и национальностей, о которых трудно сказать, какая из них наиболее неспособна к прогрессу и цивилизации».

«У Европы только одна альтернатива: либо подчиниться игу славян, либо окончательно разрушить центр этой враждебной силы – Россию» (Энгельс).

Даже своих единомышленников-революционеров, русских по национальности, Маркс терпеть не мог. Когда однажды Герцена пригласили выступить на интернациональном митинге, Маркс выдвинул ультиматум – или он, или Герцен: «Маркс сказал, что он меня лично не знает, что он не имеет никакого частного обвинения, но находит достаточным, что я русский и что, наконец, если оргкомитет не исключит меня, то он... будет принужден выйти».

Михаил Бакунин не раз собирался «набить бородатую морду» Маркса за русофобию. Однако автор «Капитала» всегда ретиво избегал встреч с «презренным славянином».

*Напрасный труд – нет, их не вразумишь,
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация – для них фетиши,
Но недоступна им её идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В её глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.*

(Тютчев, 1867 г.)

В 40-е годы Маркс заявлял, что пресса является «новым Богом», «учителем масс», что священников следует заменить журналистами – такими «апостолами демократии и либерализма», дабы целенаправленно воздействовать разрушительными идеями на человеческое сознание.

«...Уже правят миром швеи, портные и ремесленники всякого рода, – писал Гоголь, – а Божии помазанники в стороне. Люди темные, никому не известные, не имеющие мыслей и чистосердечных убеждений, правят мнениями и мыслями умных людей, и газетный листок, признаваемый лживым всеми, становится нечувствительным законодателем его не уважающего человека. Что значат все незаконные эти законы, которые, видимо, на виду всех чертит исходящая снизу нечистая сила, – и мир видит весь и, как очарованный, не смеет шевельнуться. Что за страшная насмешка над человечеством! <...> Дьявол выступил уже без маски в мир».

Нарождавшийся марксизм вызывал у Николая Васильевича ощущение «холода в пустыне».

Проданные крепостные крестьяне были не единственным источником дохода «пламенного революционера» Александра Герцена.

Спрос на врагов страны, в ослаблении которой заинтересованы определенные финансовые круги, был всегда.

«Когда бы вы вздумали что-либо послать без имени и очень верно, то посылайте так, через банкиров: “Доверяется благожелательным попечителям гг. Ротшильдов в Париже...”» – писал Герцен А. А. Чумикову 9 августа 1848 года.

«Не забудьте сообщить мне свой адрес, вы можете писать мне на имя “братьев Ротшильдов в Париж”», – письмо Моисею Гессу 3 марта 1850 года.

Сам Герцен финансировал убийцу Нечаева (жертвой его стал участник кружка, несогласный с аморальными методами революционной борьбы) – создателя тайного общества «Народная расправа», призывавшего физически уничтожить всех, кто поддерживал российскую государственность. Александру Второму в своих прокламациях Нечаев обещал «казнь мучительную, торжественную, перед лицом всего освобожденного люда, на развалинах государства».

В «Катехизисе революционера», предположительно написанном Нечаевым совместно с Михаилом Бакуниным, была представлена программа глобального террора с колоссальными жертвами ради «светлого будущего» всего человечества: «...истребить целую орду грабителей казны, подлых народных тиранов... избавиться тем или иным путем от лжеучителей, доносчиков, предателей, грязнящих знамя истины», «уничтожить так называемый принцип национальности, принцип двусмысленный, полный лицемерия... необходимо ненавидеть идеи величия и славы нации, годных лишь для монархии и олигархии. Патриотизм должен отойти на задний план, ибо необходимо, чтобы революционеру были ближе к сердцу справедливость и свобода, и, в случае если его собственное отечество будет иметь несчастье от них отойти, он должен без колебаний выступить против него».

Революционер «...презирает общественное мнение, презирает и ненавидит во всех побуждениях и проявлениях общественную нравственность; нравственно для него все то, что способствует торжеству революции; безнравственно и преступно все, что мешает ей». Революционер должен «...всеми силами и средствами способствовать развитию тех бед и зол, которые должны вывести наконец народ из терпения и понудить его к поголовному восстанию». «Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире».

Поистине «если Бога нет, то все позволено»! Нечаев стал прообразом Петра Верховенского в романе Достоевского «Бесы» – от их нашествия «раскачка такая пойдет, какой мир еще не видал... Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам...».

«Не признавая другой какой-либо деятельности, кроме дела истребления, мы соглашались, что форма, в которой должна проявляться эта деятельность, – яд, кинжал, петля и тому подобное. Революция благословляет все в равной мере» (из работы «Принципы революции» М. А. Бакунина).

Дмитрий Каракозов, совершивший покушение на Александра Второго, названного «Освободителем» за отмену крепостного права, состоял в созданной по подобию нечаевской террористической организации «Ад».

Нечаевым была выдвинута идея физического устранения всего дома Романовых. Предложение «уничтожить всю большую ектению» вызвало восторг Ленина.

«...На вопрос: “Кого же надо уничтожить из царствующего дома?” – говорил Ленин, – Нечаев дает точный ответ: “Всю большую ектению”, – вспоминал слова Владимира Ильича Бонч-Бруевич. – Ведь это сформулировано так просто и ясно, что понятно для каждого человека, жившего в то время в России, когда православие господствовало, когда огромное большинство так или иначе, по тем или другим причинам, бывало в церкви, и все знали, что на великой, на большой ектении вспоминается весь царствующий дом, все члены дома Романовых! Нечаев должен быть весь издан. Необходимо изучить, дознаться, что он писал, где он писал, расшифровать все его псевдонимы, собрать воедино и все напечатать!»

«Так кого же уничтожить из них? – повторял Ленин и отвечал сам себе: – Да весь дом Романовых... Ведь это просто до гениальности!»

Как тут не вспомнить ленинское «Иной мерзавец может быть для нас тем полезен, что он мерзавец».

«Аморальные директивы» Ленина были основаны на нечаевском «Катехизисе»: «С нашей точки зрения нравственно и морально все то, что помогает победе нашего дела, и наоборот, все, что мешает этой победе, – все это мы расцениваем как противное нашей коммунистической морали».

Цель оправдывает средства – этому принципу следовали революционеры всех мастей: народовольцы, кадеты, эсеры, октябристы, большевики...

Либеральные же писатели, публицисты, литературные критики превратились в «апостолов демократии» и «учителей масс», как мечтал Маркс.

«Нам следует группировать факты русской жизни... – писал Добролюбов, – надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху, – для того, чтобы противно стало читателю все царство грязи, чтобы он, задетый за живое, вскочил и с азартом вымолвил: «Да что же, – дескать, – это за каторга: лучше пропадай, моя душонка, а жить в этом омуте я не хочу больше».

*Ликуй же, смерть, в стране унылой,
Всё в ней отжившее рази
И знамя жизни над могилой
На грудах трупов водрузи!*

– писал Добролюбов, мечтавший о гибели собственной Родины.

Ради уничтожения самодержавия все позволено – считали и Герцен, и Белинский, и Чернышевский, звавший «Русь к топору».

Михаил Бакунин мечтал о восстании люмпенов, которые вырежут всех интеллигентов (!).

«Разбудите люмпена!» – призывал Ленин. Именно к люмпену был обращен его лозунг «Грабь награбленное!».

Поистине людоедские заявления делал Белинский: «Люди так глупы, что их насильственно надо вести к счастью. Да и что кровь тысяч в сравнении с унижением и страданием миллионов»; «Но смешно и подумать, что это может сделаться само собой, временем,

без насильственных переворотов, без крови... Я начинаю любить человечество по-маратовски, чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную».

«Если для осуществления наших стремлений, – писал публицист Н. Шелгунов в прокламации, напечатанной Герценом, – для раздела земли между народом пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого. И это вовсе не так ужасно».

И опять слово Ленину: «Мне плевать, если я уничтожу девяносто процентов населения России. Оставшиеся десять мне помогут...».

Как же здесь не вспомнить и Максима Горького: «...Как евреи, выведенные Моисеем из рабства Египетского, вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень – все те, почти страшные люди... их заменит новое племя – грамотных, разумных, бодрых людей».

Вряд ли революционные демократы любили русский народ. Ибо, оправдывая физическое уничтожение людей ради «высоких идей», ничего, кроме презрения, к ним не чувствовали.

«В Белинском (тем более в Герцене) был уже потенциальный марксист, – считал Н. Бердяев, – Белинский – предшественник большевистской морали... У Белинского в последний его период можно найти оправдание “чекизма”».

Под влиянием либеральных идей «прогрессивная» интеллигенция окончательно теряет моральные ориентиры и, цинично оправдывая террористов-убийц, встречает их овациями, цветами в залах суда...

Заразой распространилась нечаевщина среди студентов, семинаристов, гимназистов – бесы, дьяволята полезли из всех щелей.

«В Воронеже у нас случилось печальное событие в семинарии... В 1879 году подложили порох в печку к инспектору и взорвали печь в его квартире... Теперь, 7 мая (1881 года) произошёл новый взрыв, – писал обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев Александру Третьему. – Взорвали печь в квартире ректора. По счастью, он не был дома, иначе был бы убит. Вслед за тем ночью появились внутри семинарии наклеенные печатные прокламации о том, что принято решение действовать энергически к уничтожению врагов... Оказалось в числе семинаристов до десяти человек опасных, которые ходили с револьверами. Начальство потеряло голову и не знает, что делать без помощи от властей. А местные власти стали уклоняться».

Покушались и на жизнь самого Победоносцева: «Сегодня, часу в третьем, доложили мне, что пришел какой-то молодой человек на костылях, называет себя учеником псковской духовной семинарии и желает меня видеть... Я вышел к посетителю на лестницу, отворил дверь и стал спрашивать, какая ему нужда до меня. А он, закричав диким голосом «вот он», бросил с шумом свои костыли и бросился на меня с кулаками; в одном кулаке был у него раскрытый нож (небольшого размера, какие делаются со штопором)».

В ночь с 8 на 9 марта 1901 года на него было совершено еще одно покушение: студент Н. Лаговский стрелял в окна его домашнего кабинета – все пули попали в потолок.

В 1878 году киевские студенты проломили голову камнем ректору Матвееву, от ранения ученый скончался.

«Негодяй мальчишка... уволенный из семинарии по прошению... убил... отца ректора, протоиерея Павла Ивановича Чудиецкого... самым зверским образом... Негодяй вонзил кинжал сначала в пах, а потом в живот и, перевернув кинжал, изрезал кишки, и когда смертельно раненный ректор закричал и побежал, он бросился за ним, поранил кинжалом руку жены ректора, старавшейся удержать злодея и взявшейся за кинжал, настиг вновь свою жертву и нанес новую жестокую рану, в шею... Преступник девятнадцати лет и, очевидно, подкуплен здешними коноводами социализма и грузинофильства, хорошо понявшими, что замечательно умный и энергичный ректор, начинавший с корнем вырывать зло из семинарии, – опаснейший

их враг, и порешившими избавиться от него» (из письма экзарха православной церкви в Грузии Павла, 1886 год).

«Из учеников едва ли и половина возмущена преступлением, на многих лицах написано злорадство или совершенное безучастие. Грузинская интеллигенция всячески старается обелить негодяя-убийцу, придумывая самые нелепые оправдания злодеянию. Обвиняют покойного в грубости, в жестокости, к которой он по своему характеру был неспособен: русские наставники готовы были обвинять его в излишней мягкости, чуть не в потворстве ученикам».

«Русские наставники деморализованы; грузины-наставники смотрят зверями... Ученики с наглостью, с видом победителя-триумфатора смотрят на русских наставников и страстно желают немедленных испытаний, надеясь, что наставники не осмелятся оценивать слабые ответы их дурными баллами».

Не щадили бесы и своих. Вся Россия была потрясена зверской расправой киевского революционного кружка над народовольцем Николаем Гориновичем, подозреваемым в шпионаже. С пробитой головой, облитый кислотой (отчего вытекли глаза, отвалились ухо и нос), он был найден бездыханным 11 июля 1876 года на вокзале в Одессе. Рядом лежала записка: «Такова участь шпиона». Станным образом Гориновичу удалось выжить, и всю оставшуюся жизнь он носил черный платок, скрывая обезображенное лицо. Молодой человек не был виновен в шпионаже, но покушение на его убийство было дружно одобрено революционным студенчеством.

Особым разгулом преступности отличался Новочеркасск: «...в начале 1880 г. ученики пьянствовали, буянили, наводили страх на соседей, на городских дам и предавались либерализму... В квартиру (директора гимназии) полетели камни, два раза в его окно стреляли, и через полтора года он был переведен в другой город...

В (следующего) опять полетели камни; не раз стекла были у него выбиты; сам он был подвергнут побоям через нанятых казаков и через полтора года был переведен в другой город...

<...>

Квартиру (третьего директора) взорвали; от взрыва треснула каменная стена, разбились стекла... Супруга его после этого имела два последовательных выкидыша и около 10 месяцев лежала в постели. Приехал жандармский офицер и открыл, что взрыв произведен учениками под влиянием социально-революционной партии... В то же время близ Новочеркасска в каменноугольных копях пропало больше 100 патронов динамита и несколько пудов пороха...».

Родители молодых людей, обеспокоенные нравственной гибелью детей, обращались к духовным пастырям, в слезах просили помощи праведника отца Иоанна Кронштадтского – целителя и прорицателя, пользовавшегося огромным авторитетом у русского народа.

«Кто вас научил непокорности и мятежам бессмысленным, коих не было прежде в России?! Перестаньте безумствовать! Довольно! – взывал он к человеческой совести. – Довольно пить горькую, полную яда чашу – и вам, и России... Царство Русское колеблется, шатается, близко к падению... Если в России так пойдут дела и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвержены праведной каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и за свои беззакония».

Воздействие ярких, эмоциональных проповедей отца Иоанна на прихожан было огромным, и революционная интеллигенция видела в нем конкурента в борьбе за влияние на умы. Газеты публиковали фельетоны, карикатуры, иногда откровенно непристойные; ненависть безбожного студенчества доходила до крайности. Однажды, во время литургии, отец Иоанн заметил студента, прикуривавшего от лампы. В ответ на замечание хулиган с кулаками бросился на священника, ударил, и лишь прихожанам, едва не растерзавшим студента, удалось спасти отца Иоанна.

«Для возрождения России напрасны все политические и программные объединения: России нужно нравственное обновление русского народа... Держись же, Россия, твердо веры

твоей, и Церкви, и царя православного, если хочешь быть непоколеблемой людьми неверия, безначалия и не хочешь лишиться царства и царя православного. А если отпадешь от своей веры, как уже отпали от нее многие интеллигенты, то не будешь уже Россией или Русью Святой, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга, – пророчествовал Иоанн Кронштадтский. – И если не будет покаяния у русского народа – конец мира близок. Бог отнимет у него благочестивого царя и пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами...»

На 1 марта 1887 года членами террористической фракции «Народной воли» готовилось покушение на жизнь Александра Третьего, одним из руководителей которого был Александр Ульянов. Покушение удалось предотвратить. Участники арестованы, пятеро приговорены к смертной казни. Среди них – В. Генералов, выпускник той самой Новочеркасской гимназии.

Спустя два месяца после неудавшегося покушения Александр Третий побывал в Новочеркасске. И опять народовольцы готовят покушение, совершить которое должны были сотник 7-го Донского полка В. В. Чернов и студент А. И. Александрин. Покушение сорвалось – террористы были арестованы: «При обыске у сотника Чернова были обнаружены ящики с гремучим студнем. У студента Александрина... разного рода переписка, имевшая отношение к подготавливаемому покушению, и значительное количество прокламаций».

Именно тогда, 18 июня (1 июля) 1887 года, министром просвещения России графом Иваном Давидовичем Деляновым был представлен доклад «О сокращении гимназического образования», разошедшийся по гимназиям в качестве циркуляра и ставший известным как закон о «кухаркиных детях». Хотя «кухаркины дети» в циркуляре и не упоминались, возмущению «прогрессивной интеллигенции» не было предела, документ использовали как информационный повод для подрыва империи. Смысл циркуляра сводился к следующему: «...нужно разъяснить начальствам гимназий и прогимназий, чтобы они принимали в эти учебные заведения только таких детей, которые находятся на попечении лиц, представляющих достаточное ручательство в правильном над ними домашнем надзоре и в предоставлении им необходимого для учебных занятий удобства».

Таким образом, предлагалось ограничить возможность представителям «неблагородных» слоев населения перемещаться в разночинцы и студенты – основную движущую силу революционного движения.

В качестве альтернативы гимназиям с классическим гуманитарным образованием, греческим и латынью предлагались реальные училища с науками точными – физикой, механикой, химией, алгеброй. Интенсивно развивалась промышленность, и Россия остро нуждалась в специалистах: квалифицированных рабочих, мастерах, инженерах.

Впрочем, спустя тринадцать лет циркуляр о «кухаркиных детях» был отменен Николаем Вторым, но до сих пор марксистские историки приводят его как пример «самодержавной дискриминации по социальному признаку».

Моральную катастрофу российского общества чувствовал Достоевский еще в середине XIX века: «Петровская реформа, продолжавшаяся вплоть до нашего времени, дошла наконец до последних пределов. Дальше нельзя идти, да и некуда: нет дороги, она вся пройдена... Вся Россия стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездною... носится как бы какой-то дурман повсеместно, какой-то зуд разврата. В народе началось какое-то неслыханное извращение идей с повсеместным поклонением материализму. Материализмом я называю в данном случае преклонение народа перед деньгами, пред властью золотого мешка. В народ как бы вдруг прорвалась мысль, что мешок теперь все, заключает в себе всякую силу, а что все, о чем говорили ему и чему учили его доселе отцы, – все вздор. Беда, если он укрепитя в таких мыслях».

Делился своим предчувствием гибели Российского государства и Гоголь: «Остались считанные дни, еще немного – и грехами своих предков и своими мыотрежем путь России к спасению».

«Человечество нынешнего века свихнулось с пути только оттого, что вообразило, будто нужно работать на себя, а не для Бога, – говорил Н. Гоголь. – Сущность жизни не есть отдельное существование, а Бог, заключенный в человеке; смысл жизни открывается тогда, когда человек признает собою свою божественную сущность».

«Будьте не мертвые, а живые души...»

Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом... страшен тот ревизор, который ждет нас у дверей гроба».

9 сентября 1867 года в Женеве открылся масонско-коммунистический конгресс Лиги мира и свободы, и на трибуне выступали «светила европейской мысли». «...Господа, которых я впервые увидел не в книгах, а наяву, – писал приглашенный на этот конгресс Достоевский Майкову, – начали с предложения вотировать, что не нужно больше монархий, и все поделать маленьким. Потом – что не нужно веры. Это было четыре дня крику и ругательств...»

«...Социалисты и революционеры ввали с трибуны перед пятью тысячами слушателей, то невыразимо, – делился он со своей племянницей С. А. Ивановой. – Комичность, слабость, бесполовщина, несогласие, противоречие себе – это вообразить нельзя. И эта-то дрянь волнует несчастный люд работников. Это грустно. Начали с того, что для достижения мира на земле нужно истребить христианскую веру, большие государства уничтожить и поделывать маленькие...»

Посетив 15 европейских городов, писатель пришел к выводу, что лозунг французских революций «Свобода, братство, равенство!» – всего лишь красивая вывеска на самом деле: «Олигархи имеют в виду лишь пользу богатых, демократия – лишь пользу бедных, а об общественной пользе, пользе всех и о будущем всей Франции там уж никто теперь не заботится...».

«Достоевский сделался врагом революции и революционеров из любви к свободе, он увидел в духе революционного социализма отрицание свободы и личности. Что в революции свобода перерождается в рабство. Его ужаснула перспектива превращения общества в муравейник», – писал Н. Бердяев.

«Что же противопоставляется романо-германской Европе или Западу в лице России? – спрашивал славянофил Аксаков. – Мир православно-восточный, или славянство – возросшее до значения православно-восточного мира».

Что может противостоять идеям либерально-буржуазного общества – атеизму, парламентаризму, космополитизму?

Православие (церковь) – самодержавие (русская государственность) – народность (славянство) – отвечали славянофилы. Возвращение в допетровскую патриархальную Русь, где государство – большая семья со своими традициями, преемственностью поколений; церковь – хранительница духовно-нравственных ценностей; царь – наставник, батюшка, оберегающий своих подданных.

Неслучайно ради разрушения этой семьи – Российской державы – революционеры возбуждали ненависть «к царю и попу».

«Функции [Церкви] как учреждения были извращены, – писал Аксаков о результатах реформ Петра Первого, – она взята была в казну, низведена на степень одного из официальных «ведомств», облечена в мундир, разрознена с общественной жизнью страны, почти парализована в своих силах... благодаря ложному положению Русской церкви... голос ее почти не слышен, неавторитетен, по-видимому, не властвует над душами. Вот где наше современное зло и где корень разъедающего нас недуга!»

«Церковь наша должна вернуться к прежнему каноническому, допетровскому строю. Восстановление патриаршества, обращение к соборному началу, возобновление деятельного и

живого общения с другими православными церквями оживят и одухотворят и нашу церковную жизнь, исцелят многие наши общественные язвы и, быть может, восстановят духовную цельность русского народа и всего православного Востока» (из исследования «Государственно-правовой идеал славянофилов» А. В. Васильева).

Исторический путь России – в православной религии, в отсутствии классовой борьбы, в наличии крепкого сословного строя, в сельской общине...

Достоевский рассуждает о миссии России как носительницы православия и о русском народе – «народе-богоносце». «Славянство, объединенное Россией, – считает Федор Михайлович, – научит серьезно верить в братство людей, во всепримирение народов, в союз, основанный на началах всеслужения человечеству, и, наконец, в самое обновление людей на истинных началах Христовых... Идея всемирного человеческого обновления... хранится в России не в революционном виде, а в виде Божественной правды». Христовой истины, хранимой в православии.

Славянофилы стремились сблизиться с простым народом, изучали быт, культуру, художественные промыслы; организовывали выставки, фольклорные экспедиции. Эпос, народные сказки, национальная история, русская природа явились источниками вдохновения композиторов «Могучей кучки» (Мусоргский, Римский-Корсаков, Бородин, Балакирев), художников «Товарищества передвижных художественных выставок» (Перов, Саврасов, Шишкин, Васнецов, Суриков), прославлявших величие, мудрость, красоту и силу России.

Между тем в конце XIX – начале XX века в России масонство увлекает не только политиков, деятелей культуры, но и чиновников, военных и даже членов императорской фамилии. Аронсон в статье «Масоны в русской политике», опубликованной 8 октября 1959 года в газете «Новое русское слово», пишет: «Вот несколько имен из списка масонской элиты, которые на первый взгляд кажутся совершенно не укладывающимися в одну организацию, на деле, однако, тесно связанных между собой на политическом поприсе: князь Г. Е. Львов и А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов и Н. С. Чхеидзе, В. А. Маклаков и Е. Д. Кускова, великий князь Николай Михайлович и Н. Д. Соколов, А. И. Коновалов и А. Я. Браудо, М. И. Терещенко и С. Н. Прокопович. Что поражает в этом списке – ЭТО БУКВАЛЬНО ЛЮДСКАЯ СМЕСЬ, в которой так неожиданно сочетаются социалисты РАЗНЫХ МАСТЕЙ с миллионерами, представителями радикальной и либеральной оппозиции, с лицами, занимающими видные посты на бюрократической лестнице, вплоть до... бывшего директора Департамента полиции. Что за странное явление, особенно непривычное в русской общественной жизни, для которой всегда были характерны полярность воззрений, сектантское начало во взаимоотношениях, взаимные отталкивания». Деятельность русских масонов направлена на дискредитацию самодержавия и расшатывание основ российской государственности.

«Интеллигенция сумела раскачать Россию до космического взрыва, но не сумела управлять ее обломками, – писал Солженицын. – Потом, озираясь из эмиграции, сформулировала интеллигенция оправдание себе: оказался «народ – не такой», народ обманул ожидания интеллигенции».

Революция в России низвергла Иисуса Христа – нравственный эталон человеческого существования, уничтожила основу нравственности и совести – Любовь.

И ввергла в Ад...

«Что есть ад?.. Страдание о том, что нельзя уже более любить» (из романа «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского).

Глава 5. Два Рима пали, третий стоит, а четвёртому не бывать!

Николай Второй – святой царь, Иову Многострадальному подобный. Он будет иметь разум Христов, долготерпение и чистоту голубицу. На венец терновый сменит он корону царскую... Он искупитель будет, искупит собой народ свой – бескровной жертве подобно. И предан будет... как некогда Сын Божий на пропятие... Преподобный Авель (Васильев), тайновидец петербургский, о царе Николае Втором (в 1800 г.)

«Тебе предстоит взять с плеч моих тяжелый груз государственной власти и нести его до могилы так же, как нес его я и как несли наши предки. Я передаю тебе царство, Богом мне врученное. Я принял его тринадцать лет тому назад от истекавшего кровью отца... Твой дед с высоты престола провел много важных реформ, направленных на благо русского народа. В награду за все это он получил от русских революционеров бомбу и смерть... В тот трагический день встал предо мною вопрос: какой дорогой идти? По той ли, на которую меня толкало так называемое «передовое общество», зараженное либеральными идеями Запада, или по той, которую подсказывали мне мое собственное убеждение, мой высший священный долг Государя и моя совесть. Я избрал мой путь. Либералы окрестили его реакционным. Меня интересовало только благо моего народа и величие России. Я стремился дать внутренний и внешний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крепнуть, богатеть и благоденствовать. Самодержавие создало историческую индивидуальность России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним рухнет и Россия. Падение исконной русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц. Я завещаю тебе любить все, что служит ко благу, чести и достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя притом, что ты несешь ответственность за судьбу твоих подданных пред Престолом Всевышнего.

Вера в Бога и в святость твоего царского долга да будет для тебя основой твоей жизни. Будь тверд и мужествен, не проявляй никогда слабости. Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся только самого себя и своей совести.

В политике внешней держись независимой позиции. Помни: у России нет друзей. Нашей огромности бояться. Избегай войн. В политике внутренней прежде всего покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в годы бед. Укрепляй семью, потому что она – основа всякого государства».

Заветы отца своего, Александра Третьего, данные им накануне кончины, Николай Второй запомнил крепко. Как и отец, он беззаветно любил Россию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.